

ЮЛИЯ ГОРИНА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПЛАНЕТА FREEKОВ

ЗАРОЖДЕНИЕ

Юлия Горина
Планета FREEков

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горина Ю.

Планета FREEков / Ю. Горина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08158-1

Пока обыватели заняты своим социальным рейтингом и новыми скинами дополненной реальности, экстремалы стараются взять от жизни все. Рэм живет двойной жизнью: в одной из них он - популярный актер, в другой - эйр-трейсер Кош. Но однажды он становится фигурой в игре сильных мира сего. Его сокровенные тайны оказываются под угрозой раскрытия, и задорная игра превращается в битву за жизнь и свободу. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08158-1

© Горина Ю., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

Кош включил онлайн трансляцию, как только его ботинки коснулись поверхности крыши.

«Последний игрок на месте», – мгновенно сообщил в общем чате Uno.

Кош быстрым движением руки уменьшил окно вирта и сделал его полупрозрачным, чтобы не мешало смотреть на реальные объекты. Пока линзы дополненной реальности налаживали связь с «нейронными маячками», подтянул заклепки на правом ботинке и тщательно заправил внутрь него начавшую выбиваться штанину серого комбинезона.

В диалоговом окне высветились два приветственных плюса. Два, хотя на точке уже собралась вся троица соперников Коша.

Они тоже были одеты в комбинезоны с силиконовыми нашивками и уплотнителями на локтях и коленях, с индивидуальной системой карманов и страховочными карабинами на поясах. Волосы и лица скрывали обязательные балаклавы и очки, чтобы выхваченный чужими линзами кадр или полицейский дрон не сдал кого-нибудь из них с потрохами.

Никто ни с кем не разговаривал. Похожие на постапокалиптических персонажей, эйртрейсеры ожидали сигнала, рассыпавшись вдоль линии старта и переминаясь с ноги на ногу.

Каждый – против всех. На финише только две ленточки, дающие право выхода в следующий круг.

«До старта семь минут», – сообщил Uno.

Кош подошел к краю и сел, свесив ноги вниз. Он обожал эти минуты перед началом игры.

Москва, укрытая сгущающимися сумерками, включала огни. С высоты бизнес-центра открывался завораживающий вид на дорожную развязку, по которой ровными цепочками неспешно двигались автомобили с включенными фарами. Время от времени над ними пролетали оранжевые беспилотные такси с подсвеченными красно-желтыми лампасами шашек на округлых боках. В офисах и жилых домах зажигались разноцветные окна. Светлые высокие витрины тянулись рядами вдоль улицы. Рекламные голограммы набирали яркость. «Ощути настоящую свободу в отеле выходного дня „Нарцисс“! У нас нет имен и лиц!» – призывно светилась ядовито-зеленая надпись в руках гигантской полуобнаженной красавицы с черной маской на лице. «Деревенские яйца – здоровые и крепкие!» – двусмысленно подмигивал плечистый ковбой из деревянного окошка, на раме которого значился лейбл натуральных продуктов Павловской общины. Дальше покачивалась гигантская шхуна с алыми парусами – рекламная вывеска яхт-клуба, а прямо за ним размещался анимационный плакат о принципах социального рейтинга.

Ветер порывами посвистывал по балаклаве Коша. Оттянув маску с носа, он вдохнул полную грудь майской свежести. Там, внизу, воздух никогда не бывает таким вкусным.

Один щелчок пальцем в виртуальную кнопку плеера – и в тишину Коша, стремительно разгоняясь, ворвались звуки хайтек-транса. Пять секунд, десять – и басы забились в ритме разгоряченного пульса. В диалоговое окно тут же посыпались комментарии от наблюдателей:

«Кошак зажигает!»

«Обожаю твои плейлисты!!!»

«А у Джампера – круче!»

«У Джампера унылое говно, а Кош всегда огонь слушает!»

Число наблюдателей сразу же выросло с пятнадцати тысяч до двадцати трех.

Он улыбнулся, поправил маску, разгладил и без того идеально сидевшие перчатки. А затем отправил группе поддержки подмигивающий смайл с рекламной ссылкой на автора плейлиста Ника Гудвина, который выискивал старые и давно забытые композиции похардовой, обрабатывал их и давал новую жизнь в новом звучании.

Кош еще раз внимательно посмотрел вниз, на фронтальную сторону здания. В очередной раз Упо выбрал отличную точку для начала забега. Само здание бизнес-центра представляло собой причудливую пирамиду, будто бы сложенную из кубиков детского конструктора: здание когда-то строилось как главный офис игрушечного гиганта «Умейка». Некоторые «кубики» соединялись между собой спиралевидными металлическими конструкциями: короткими и затяжными, просто тянущимися вниз и вытянутыми в сторону, будто пружинки. Это добавляло интриги.

«До старта осталось три минуты. Желаю всем удачи и не наследить! Начинаю отсчет!» – объявил Упо, и в углу диалогового окна появился секундомер.

Знакомый холодок волнения разбежался от центра груди по всему телу. Кош поднялся, нервно пригладил перчатки, чтобы еще плотней прилипли к телу. Контрольно хлопнул ладонями по карманам со шнурами, проверяя, все ли на месте.

Глубокий вдох. Выдох.

Три, два, один!

Вспыхнул зеленый индикатор, и все четверо игроков метнулись за огораживающие крышу перила.

Кош перемахнул их одним рывком, повис на левой руке, нащупал ногой выступ первого куба и, схватившись правой рукой за металлическую трубу, скользнул по ней вниз. Под свободно болтающимися ногами на расстоянии восьмисот метров горели вечерние огни. Затормозив движение коленями, Кош пальцами одной руки ухватился за выступ следующего яруса. В этот момент рядом с его рукой на уступ приземлился один из его противников. Синий комбинезон – Горилла, как всегда в своем репертуаре, любитель попрессинговать на грани фола.

– Сука! – прошипел Кош, возвращаясь на металлическую конструкцию и, зажав коленями трубу, рывком расстегнул боковой карман.

Конечно, шнуры нужнее на подъеме. Но когда тебя глушат сверху, до подъема можно просто не добраться. В мгновение зафиксировав шнур на трубе, Кош сполз чуть ниже, сильно оттолкнулся ногами от поверхности здания и полетел вниз, пропуская шнур в ладонях. Еще толчок ногами, и опять вниз-вниз-вниз. Ладони разогрелись, стали теплыми. Еще несколько толчков, и рукам стало жарко. Если продолжить – можно повредить перчатки. Осмотревшись, он не увидел подходящего для приземления выступа, зато сбоку поблескивала очередная металлоспираль.

Крепко держась за шнур, Кош развернулся к зданию боком и принялся раскачиваться, рывками то поднимая, то опуская ноги, чтобы дотянуться до следующей металлической конструкции. Перед его глазами темное небо со снующими беспилотными такси сменялось дорожной развязкой, снова небо, и опять угрожающе накренившаяся земля, красноватая от подсветки стена, металлический блеск трубы, и снова небо – Кош ухватился обеими ногами за конструкцию. Отпустив веревку, свесился над городом вниз головой.

Сердце забилось быстрее музыкального ритма. Вот за такие мгновения он обожал эйртрейдинг. Еще пару секунд над бездной, и он подтянулся к ногам, ухватился за трубу и соскользнул по ней до нижнего яруса. Пружинисто приземлившись на опору, Кош полез по кубиками вниз. Хватаясь за уступы пальцами, он спускал тело вдоль поверхности куба и спрыгивал вниз почти с трехметровой высоты. Каждый последующий куб был шире предыдущего примерно на полметра, площадь опоры уменьшалась с каждым спуском. Быстрее, еще быстрее! Прыжок, еще один...

Вдруг его повело назад – выбоина в бракованной панели попала под пятку. Одна нога соскользнула за край. Кош затормозил коленом, пытаясь вцепиться руками в поверхность панели. Пальцы нашли проклятую выбоину, и тогда он наконец остановился. Подтянувшись на руках, сел на край, с трудом переводя дыхание.

Повезло.

Колено ныло. В чате сыпались как подбадривающие сообщения, так и пожелания сломать себе шею.

«Чёрт, больно же! Кош, у меня погружение выставлено на девяносто процентов!» – настрочил кто-то из наблюдателей, и тут же получил жесткий ответ Упо:

«Для коррекции экстремальных физических ощущений используйте программу подавления амплитуды „Сито“, она продается в открытом доступе. Так же констатирую: Кош не наследил, и продолжает участвовать в гонке!»

Вдох-выдох. В рейтинге он пока второй.

И Кош снова принялся спускаться, куб за кубом. Последний затяжной прыжок – и он на земле. Впереди Кош видел удаляющуюся спину в черном костюме – Скиф. Он лучший, но скоро подтянутся и другие, которых Кош опередил только благодаря спуску на длинном шнуре. Но время, выигранное здесь, ему еще предстоит потратить на подъеме.

Бегом преодолев узкую полосу газона, Кош поднырнул под ворота и вынесся к шоссе.

Перемахнув через метровое бетонное ограждение, он легко вспрыгнул на капот движущегося автомобиля. Автопилот в такой ситуации продолжает плавно ехать вперед, считая это наиболее безопасным вариантом в потоке. Главное – не соскользнуть под колеса. Визгливых гудков он не слышал – их перекрывала музыка, бьющаяся сейчас в унисон с его пульсом. С капота – на крышу, а с нее – на крышу микроавтобуса во втором ряду. Опять капот – крыша – и он уже на ограждении встречной полосы. Быстрее! Кош с легкостью перепрыгнул на капот какой-то старенькой машинки, и вдруг та сбавила скорость и дернулась вбок. Он распластался перед лобовым стеклом морской звездой, и, приподняв голову, увидел до смерти испуганное лицо седобородого водителя, вцепившегося в руль. Выматерив про себя всех, кто до сих пор ездит по городу на ручном управлении, он жестом показал старику, что надо просто ехать дальше, только и всего. Кое-как перебравшись на соседний поток, Кош за несколько секунд добрался до противоположной стороны. Вот только благодаря водиле, протащившему его вдоль дороги, Кош теперь оказался гораздо дальше от нужной ему точки. Спрыгнув с бетонного ограждения, он перекатился через плечо по насыпи вниз, вскочил на ноги и изо всех сил помчался к Торговому центру «Гейша», на крыше которого его ждала заветная ленточка.

На вторую позицию вырвался Джампер, на третью – Горилла. Кош скатился на четвертую.

И тут в чат посыпались реплики от наблюдателей:

«Джампер сорвался!»

«Живой?»

«Наследил! Колено в крови!»

«Невысоко было».

И тут же появился комментарий от Упо, выделенный синим шрифтом:

«Джампер поцарапался на подъеме, он выбывает и уходит в карантин!»

И следом еще:

«Гонка в последней стадии. Патрули в десяти минутах. Охрану ТЦ я взломал, они будут заблокированы еще минут пять».

На подступах к «Гейше» было довольно много народу. Ленивые автомобили ползали по площади от спуска на подземную парковку и в обратную сторону. Кош рисковал, выбрав для подъема фронтальную часть здания, но зато заход с этой стороны обещал быть быстрее. Маневрируя в толпе, он несся по направлению к декоративному мраморному крылу, узкой дорожкой огибавшему «Гейшу» до верхнего яруса с правой стороны. При виде мчащегося человека в комбинезоне одни хватали на руки испуганных детей, другие с улыбкой принимались махать руками.

«Я вижу Коша!» – написал кто-то в чате.

«Чувак, да ты крут!»

Кош отклонился вправо, огибая группу парней, застывших на месте с открытыми ртами, перемахнул через вазон цветочной клумбы, и резко затормозил, чтобы не сбить с ног очутившегося прямо перед ним мальчика лет шести. Прочертив носком ботинка по асфальту, взял левее, протиснулся между бросившимися к ребенку двумя женщинами. Кто-то из толпы схватил Коша за рукав. Он запнулся, оглянулся назад: мужчина лет пятидесяти в дурацком полосатом костюме с ортодоксальным гневом что-то активно артикулировал, призывно размахивая рукой.

Кош выдернул локоть из его рук, но тот ухватился за комбинезон на груди и потянулся к маске, но какой-то парень с силой отпихнул полосатого в сторону, освобождая дорогу.

Кош помчал дальше.

Взобравшись на крыло, он перевел дыхание. Ширина дорожки – сантиметров тридцать, через каждые полметра – скользкая выпуклая пуговица слепящего темно-красного фонаря. Плюс наклон. Идти надо быстро, но ошибаться нельзя. И Кош поспешил вперед.

Скользнув глазами вниз, он увидел, как люди, задрав головы и показывая на него пальцами, останавливались и провожали взглядом каждое его движение. Усилившийся ветер сносил его немного вправо, в щель между крылом и зданием. Но Кош не останавливался, только чуть замедлил шаг. Теперь он ставил ботинки так, чтобы упираться в выпуклую металлическую окантовку фонарей. Наконец он добрался до верхней части декора. Сверху крыло соединялось со зданием узким ребром, не шире ладони. Высота – метров восемьдесят над землей.

Кош остановился, поглубже вдохнул. Обогнав Гориллу, он поднялся на вторую строчку. Нужно сохранить это преимущество.

И тут в чате высветилось красными буквами:

«Скиф сорвал ленту! Первое место!»

Медленно выдохнув, Кош ступил на перемышку.

Ветер будто пожалел его и затих. Раскинув руки, Кош, осторожно ступая, перебрался на основное здание. Вжикнув молнией бокового кармана, он вытащил второй шнур и, затаив дыхание, хорошенько прицелился пневмомашинкой и выстрелил «грузилом» как можно выше, чтобы зацепить за основание рекламного щита. Но закрепить шнур удалось только со второго раза.

Внизу началась опасная активность: из торгового центра наконец вырвалась местная охрана, подъехали патрульные машины. Последнюю минуту Кош был так занят, что не обратил внимания на предупреждающее сообщение Упо.

Ну и черт с ними, отсюда им его уже не достать, а до патрулей на летучках у него еще есть время.

«Такси прибудет через две-три минуты! Кто не успеет – не моя проблема!» – отписался Упо.

Ухватившись за шнур, Кош принялся подниматься, упираясь ногами в стену. Еще минута – и он наверху. Посередине крыши на корточках сидела черная тень – Скиф. Рядом с ним на длинном усе антенны трепыхалась оставшаяся синяя ленточка, красную он держал в руках. А с другой стороны крыши уже забирался Горилла. Кош вскочил на ноги и помчался к антенне со всех ног, а прямо на него несли Горилла. Скиф поднялся, перевел взгляд с одного противника на другого, и вдруг совершил маневр в сторону Гориллы – простой пережат, вроде бы для того, чтобы освободить пространство перед антенной. Но движение было неожиданным, и Горилла инстинктивно затормозил, а Кош уже срывал синюю ленту.

Над крышей появились огни приближающегося такси.

В чате началась свалка.

«Поздравляем!»

«Молодец, Кошак!»

«Скиф сука! Разве так можно?»

«Так ему и надо, Горилле! Сам вечно прессингует – пусть утрется!»

«Крутой забег! Я чуть не кончил!»

«Так и надо Горилле – всех достал за этот сезон!»

«Скиф и Кош – браво!»

Кош улыбался, сжимая в руке развевающуюся на ветру ленту. Скиф подошел к нему и одобрительно хлопнул по плечу. Кош кивнул, указал рукой вниз, где мелькали огоньки полицейских машин.

Подкинув ленты вверх, они пожали друг другу руки и обернулись к Горилле, чтобы по закону спортивной этики попрощаться и с ним, но Горилла отступил назад и энергично хлопнул ладонью по внутренней стороне локтя, мол, пошли вы.

«Отличная гонка! Всем спасибо и удачи! Скиф и Кош, до скорой встречи в третьем туре! Пожертвования скидывайте в прописанный выше котелок, и не забудьте оплатить следующую трансляцию!» – радостно отписался Упо и отключился.

И Кош выключил трансляцию.

В первое спустившееся такси запрыгнул Скиф, два следующих загрузили Гориллу и Коша.

Развалившись на заднем сидении, Кош не чувствовал своего тела от усталости. Вытянув руку вперед, он убедился, что его бьет адреналиновая дрожь. Плохо. Если полиция отследит маршрут такси, потный малый с адреналиновой трясучкой точно вызовет подозрения.

Такси плавно спикировало на стоянку перед парковой зоной. Тяжело перебравшись через невысокий забор, Кош метнулся в ельник. Выбравшись из костюма, он запихнул его в припрятанную у корней сумку и натянул на липкое от пота тело запасную рубашку. Выключил плеер.

Наступившая вдруг тишина показалась ему оглушительной. Раздававшиеся невдалеке звуки опенэйра были слишком тихими и медленными, чтобы нарушить охватившее его чувство тишины.

И тут он услышал сигнальный рев патрульных машин.

Вытащив из маленького кармашка сумки косметическую краску, Кош небрежно вымазал себе погуще лицо, чтобы выглядеть как местный тусовщик. Из фляги сделал несколько больших глотков коньяка, для убедительности плеснул себе немного на ладонь и растер по шее. Вскинув сумку на плечо, он побежал к центру вечеринки.

Пробегая, Кош услышал из-под кустов счастливое повизгивание.

– Учти, тебе перепало только потому, что я сегодня добрая! – щебетал пьяненький девчачий голосок. Ответом было басистое мычание.

И тут выключили музыку.

«Черт, они сегодня быстрее, чем...»

Расстегнув на себе рубашку, он метнулся под счастливый куст.

– Ребят, прикройте от копов? Будто я третий?

Полуголая пьяненькая девушка с чисто выбритой головой, раскинувшаяся в траве, расхоталась.

– Присоединяйся, вечерина в разгаре!

Темный силуэт парня дернулся, будто тот попытался встать, но не вышло. Басистый голос пробормотал:

– Нет уж, пусть идет нах... – куда именно он предлагал пойти, парень не успел выговорить, принявшись звучно прочищать желудок. В воздухе запахло блевотиной.

Выругавшись под нос, Кош ускорился по тропинке в глубь парка, пока не услышал, что кто-то за ним бежит. Обернувшись, он увидел смутные очертания девушки в коротеньком белом платье. Схватив его за руку, девушка зашептала:

– Пойдем, я прикрою! Ты с игры? А, не отвечай. Я отвязалась от всех, чтобы спокойно забег посмотреть, а тут – ты. Я – «зеленая!» – выпалила она, торопливо расстегивая пуговицы на груди. – Идем!

Он подчинился. Забравшись под ближайший кустарник, Кош пихнул сумку подальше в траву, а девушка тем временем стянула из-под юбки трусики и бросила их в сторону.

Музыка возобновилась, а невдалеке засветилась пара шарящих по сторонам фонарных лучей. Раздался женский визг, недовольное мужское бормотание.

Кош приобнял свою спасительницу, и именно в этом положении их осветили патрульные. Девушка взвизгнула, отвернулась, прикрывая оголенную грудь руками.

– Черт, еще одни трусы в траве. Оштрафовать бы весь этот бордель! – недовольным тоном проговорил один из полицейских.

Что-что, а сыграть подвыпившего человека для Коша было раз плюнуть. Закрывая лицо руками, он недовольно проворчал:

– Частная вечеринка, права не имеет... Начальник, маяк-то выруби, глазам больно!

– Приглашение покажите, – строго приказал второй, опуская фонарь в землю.

Кош продемонстрировал наклейку на запястье. Девушка, не поворачиваясь лицом, тоже.

– Развлекайтесь, – буркнул первый, и они направились шерстить парк дальше, переговариваясь друг с другом о нравах нынешней молодежи.

Кош взглянул на девушку. Ее лица он не мог рассмотреть, но почему-то был уверен, что она красивая.

– Спасибо тебе. Ты очень смелая, – сказал он с нежностью.

– Даже если ты не трейсер, я все равно рада, что помогла тебе, – шепнула спасительница ему на ухо, застегивая платье.

Он улыбнулся, крепко поцеловал девушку в висок. Потом поднялся, подхватил сумку на плечо.

– Эй! А попрощаться? – возмутилась незнакомка.

Приподнявшись на цыпочки, она крепко обняла его, как старого друга.

– Удачи тебе!

– И тебе, – ответил Кош, и бодрым шагом направился к выходу.

После досмотра у многих поубавилось желания зажигать. Народ постепенно стягивался на главную аллею, явно собираясь покинуть испорченную вечеринку. Он будет в их числе, и пускай камера на воротах непременно зафиксирует это.

Когда Кош обернулся, хрупкий силуэт девушки слабо белел на тропинке среди деревьев. Он помахал ей рукой, и она ответила ему тем же.

Глава 2

Искусственный голос Кары принялся будить Лизу, как она и заказывала – в десять часов утра.

– Здравствуйте! – прохладным тоном проговорила она, постепенно увеличивая громкость. – Вы просили напомнить, что, цитирую: с моей задницей нехрен спать до полудня, иначе ни одно приличное платье не налезет на жирные ляжки! Поднимаю шторы!

В огромные окна студии хлынули потоки ослепительного майского света.

Лиза пробубнила что-то себе под нос и натянула одеяло на голову.

– Ваш тренажер ждет вас! Включаю кофеварку! – уже прокричала Кара, и Лиза раздраженно запустила подушкой в угол, где размещалась ее база.

– Бездушная тварь, – простонала девушка, и, все еще не в силах открыть глаза, уронила голову обратно на подушку.

– Предупреждаю: через три минуты я начну задвигать кровать! Вы велели напомнить, что весите целых пятьдесят восемь килограммов, и с этим пора что-то делать!

В воздухе запахло настоящим крепким кофе.

Лиза наконец села на постели. Длинные черные волосы из-за вчерашней жесткой укладки торчали в разные стороны, как птичье гнездо, а щека, на которой она спала, помялась, словно хлопковая пижама.

– Сделай ванну.

– Уже готова, – ответила Кара, больше не стараясь перекрыть сны своей хозяйки.

Лиза стянула с себя пижаму и направилась в туалетную комнату. Индикатор на ванной кабине подмигивал зеленым. Открыв дверь, она поднялась по теплым и скользким от пара ступенькам, и погрузилась в слегка наклоненную цилиндрическую емкость. Вода в ванне бурлила под натиском массажных струй. Покрутившись в пробуждающем водяном облаке, Лиза окунулась в него с головой и потянулась к рычажку подачи шампуня.

После ванны она завернулась в халат с символическим изображением рельефного бицепса и надписью «Качни созрейт!» на спине. Девушка натянула на голову капюшон и, оставляя за собой влажные следы, пошлепала босиком в студию, к столику, где обитала кофеварка.

Кара уже задвинула постель в нишу, и теперь вместо нее красовался хорошенький диванчик. Вообще, в этой квартире ни одна вещь не знала своего места – кроме тех, которые по сети контролировала Кара. Из полуоткрытой двери гардероба выглядывала свалка одежды, часть которой выбралась наружу и расположилась на ближайших стульях. Рядом с гардеробом стояла панель полного погружения с глянцевым красным шлемом.

По полу уже ползал уборщик, похожий на серебристую черепаху, и старательно вылизывал пыль и песок.

Яркое солнце весело играло на проезжающих внизу автомобилях и мутной воде Москвы-реки. Отсюда отлично просматривалось старое здание бывшей гостиницы «Украина», окруженное небоскребами, похожими на цепочки ДНК, и голограмма Центра генетического планирования: идеальный младенец-ангелок в руках доброго улыбающегося доктора. Прямо напротив, словно вступая в спор, светилась купленная недавно движением «Естественная жизнь» огромная рекламная панель с пышной румяной женщиной, которая призывала людей отказаться от гаджетов, ежемесячного государственного содержания и жить естественно, рожая детей – каких придется, и выращивая помидоры.

Лизу раздражала эта баба с лоснящимися булками щек. И она искренне надеялась, что Центр генпланирования подаст на них в суд за нарушение этики рекламной деятельности, и баба наконец исчезнет.

Усмехнувшись, Лиза провела пальчиком в воздухе, запуская интерфейс дополненной реальности.

Она даже музыку не успела себе включить, как замигала закладка фанклуба – в чате появились новые сообщения.

«Доброе утро, Lizz! Ну что он ответил?»

«Lizz, Рэм согласен с нами встретиться?»

Поставив чашку на подоконник, Лиза набрала на спроецированной линзами клавиатуре: «Девочки, все отлично, Рэм обещал приехать к нам в клуб сразу после работы на площадке. Так что можете начинать готовиться!»

А чуть подумав, дописала:

«Только пожалуйста, все как договаривались: наряды должны быть в рамках приличий, как и поведение. Покажем ему, что можно быть поклонницами актерского таланта, и при этом не превращаться в идиоток,» – и добавила подмигивающую мордашку, чтобы немного смягчить текст.

«Ты хоть намекни, какие девушки ему больше нравятся?»

«А как Рэм относится к унисексам?..»

Она вздохнула.

«Милые мои, таких подробностей я не знаю».

«Да брось, вы же давно общаетесь!»

«Наше общение до сих пор носило исключительно официальный характер. Я его лично видела-то всего один раз! Но гример у Рэма – унисекс, и отношения у них, как я поняла, вполне приятельские. Так что, по крайней мере, у него нет предубеждения к двойному полу.»

Параллельно с болтовней в чате в верхнем углу интерфейса появилась иконка с изображением зеленой двери и подписью «Анита».

Лиза подошла к стойке полного погружения, устроилась поудобнее в кресле, надела шлем и ткнула пальчиком кнопку запуска.

Картинка перед глазами потемнела. Очертания комнаты и предметы реального мира плавились и растекались, высвобождая место для загрузочной страницы. Наконец на чисто-шоколадном фоне высветилась надпись: «Вы хотите выйти в сеть?»

– Да, – подтвердила девушка, и очутилась в личном кабинете.

Над его дизайном Лиза работала до сих пор, потому что каждый раз, когда проект приближался к завершающей стадии, ей уже хотелось чего-нибудь новенького. На данный момент кабинет выглядел как стеклянная комната, чуть погруженная в море. Сквозь прозрачный пол виднелись коралловые рифы, стайки пестрых рыбок и яркие гигантские актинии. Через открытое настежь окно доносился шум прибоя и крики чаек. Посередине комнаты стояли два дивана в стиле рококо и круглый белый столик с подвижными ножками. На столике размещался почтовый ящик в виде круглого аквариума. Сейчас в нем плавали две золотистые рыбки – два новых игровых сообщения, и одна синяя – письмо от кого-то из согильдийцев. Облачко полупрозрачных креветок означало ничего не значащий спам.

На стене кабинета висело огромное зеркало поисковика, а выходы на любимые страницы Лиза замаскировала под тяжелые фолианты, стоящие на толстой дубовой полке у стены. Один из фолиантов сейчас светился и испускал облачка искр.

Сняв книгу с полки, Лиза раскрыла ее, сунула руку в открывшуюся пустоту и открыла в ней дверь для гостыи.

Из фолианта выпрыгнул мультипликационный аватар подруги.

– Лиз, котик, у меня беда! – даже забыв поздороваться, зарыдала анимационными слезами Аня. Огромные голубые капли водопадом разлетались из ее неестественно огромных розовых глаз и исчезали, едва коснувшись пола.

Лиза вздохнула.

– Ань, у тебя беда случается каждое утро. Садись и рассказывай. Что, опять поругались? Анна отрицательно помахала огненными хвостиками на макушке.

– На этот раз все намного хуже. Тоника арестовали, – всхлипнула она.

Лиза охнула, взяла Аню за руку и присела рядом на диван. Рука была холодной, пальчики нервно дрожали.

– Что случилось?

– Вчера вечером был матч этих его дебильных трейсеров, и он... – разрыдалась Анна, вытащила из кармана мохнатого синего паука и протянула подруге. – Я из новостей узнала... Сама посмотри...

Лиза сморщилась.

– Убери уже этот мерзкий скин! К файлам прикасаться невозможно...

Брезгливо выхватив паука, она взяла его за лапки и потянула в разные стороны, растягивая окно просмотра. В синей рамке запустилось видео.

«Всем четверым нарушителям, или, как их зовут фанаты, эйр-трейсерам, удалось скрыться...»

Голос диктора звучал энергично и бодро, тем временем как визуальный ряд состоял из жутких кадров уличных видеокамер, на которых люди в комбинезонах карабкались по стенам на умопомрачительной высоте и скакали по движущимся автомобилям.

«Однако один из трейсеров, известный в сети под ником „Джампер“, сорвался с трехметровой высоты, порвал защитную ткань и повредил колено и руку. Когда сотрудники лаборатории приехали для взятия пробы, на месте происшествия были взяты с поличным двое „зеленых“, которые пытались уничтожить следы ДНК Джампера...»

На видео появились: незнакомый Лизе бородач и Тоник. Обоих неласково запихивали в полицейскую машину.

«Ими оказались двадцатишестилетний Антон Боровицкий и Геннадий Шаповал тридцати семи лет... Анализ крови на стене установил, что под кличкой Джампер скрывался двадцатидвухлетний Михаил Сычев...»

На видео показали фотографию молодого парня невзрачной наружности.

«Михаила Сычева также доставили в отделение полиции. В ближайшее время над всеми тремя состоится суд. Остается надеяться, что вскоре и все остальные персонажи уличных гонок будут задержаны и привлечены к ответу. Однако правоохранительные органы заявляют, что сейчас гораздо важнее установить личность некоего Уно, который вот уже второй год организует...»

Отрывок новостей, вырезанный Аней, закончился. Лиза свернула окно, и в ее руках опять зашевелился синий паук. Бросив его на колени Анне, Лиза усталым голосом проговорила:

– Вот идиоты...

Анна подняла на подругу полные слез глаза.

– Неужели его посадят? Полгода тюрьмы, с понижением социального рейтинга на тридцать процентов... А что там понижать-то? И так работу найти себе не может!

Лиза вздохнула.

– Да уж... И баллы снимут не только с твоего Тоника...

У Анны резко просохли слезы.

– Как?.. Ты думаешь, мне тоже вычтут?

Лиза развела руками.

– Анечка, вы ведь живете вместе. А значит, уровень взаимного влияния у вас почти как у семейной пары.

– Твою мать, – выдохнула Анна и снова расплакалась, но на этот раз – только голосом, забыв включить мультяшные слезы. – Не дадут мне теперь колонку... Накрылось мое повышение...

Лиза погладила ее по плечу.

– Не расстраивайся раньше времени. В конце концов, ты же не учительница, и не судья, а журналист. Может, еще обойдется? Да и Тоник...

Аня перебила ее.

– Ох уж этот Тоник! Зачем он вообще туда полез? В голове не укладывается! Половина Москвы ловит этих придурков, а он потащился их спасать! Лучше бы о себе, обо мне подумал! Горе мое... Что делать – ума не приложу!

– А ты не хочешь связаться с Маусом?

Аня фыркнула.

– С Маусом? Это еще зачем?

– Вообще-то в обычной жизни он адвокат, и очень дорогой. Но может для тебя, как для согильдийца, скидку сделает?

Анна задумчиво промычала.

– Слушай, а это неплохая мысль. Спасибо! Пойду-ка сообщение ему настрочу.

– Давай, удачи.

Аня чмокнула подругу в щеку, помахала рукой и исчезла, оставив после себя облачко розовых лепестков.

Растянувшись на диванчике, Лиза хлопнула в ладоши, и столик, смешно перебирая ножками и пританцовывая, подошел к хозяйке. Чтобы вернуть себе праздничное настроение, она нажала на секретную кнопку у столика под мышкой, и на одной из стен появился великолепного качества анимационный портрет ее кумира: дерзкий взгляд темно-синих глаз, правильные черты лица, самоуверенная улыбка.

Глядя на такую улыбку, невозможно не улыбнуться самой. В конце концов, у нее сегодня намечено воплощение мечты.

Лизу мучил вопрос: длинные светлые волосы, которые Рэм обычно собирает в хвост, это проекция дополненной реальности, или они настоящие? Выбранные виски делали возможными оба варианта. На сегодняшней встрече она постарается незаметно выяснить правду.

Хоть Лиза и старалась по возможности не выставлять свои пристрастия напоказ, президентом фан-клуба она стала не случайно.

***

Вокруг ни души. Крупные снежинки, похожие на хлопья пены для ванн, медленно кружили в теплом воздухе. Опустевшие тротуары и шоссе, живая изгородь вокруг двора и детской площадки были засыпаны снегом. Абсолютная тишина и полное одиночество. Город будто вымер.

Яркое солнце нещадно грело спину в черной футболке, но не могло ничего сделать с обледеневшей скамейкой и инеем на кроссовках. Тим усмехнулся и потянулся пальцем к тонкой льдистой корке на стилизованном под старину металлическом подлокотнике, но наткнулся только на разгоряченный металл.

Все как в жизни. Ничто не является тем, чем кажется. Любые ожидания обречены на разочарование.

В диалоговом окне замаячил огонек только что принятого сообщения.

«Я на месте. Поднимайся».

Тим выключил в настройках функцию блокировки внешних шумов, и в уши хлынул звуковой мусор улицы. Поморщившись, Тим убрал еще пару галочек, вернув реалистичное отображение внешнего мира. Умиротворяющий снег исчез. Прямой пробор дороги открывал вид на шоссе между двумя массивными жилыми домами, и в этом просвете замельтешили глянцевые спинки городских вшей – автомобилей. Свежее человеческое поколение, еще не завершив-

шее метаморфоз и далекое от взрослой формы, радостно демонстрировало свои эволюционные корни. Визжа и улюлюкая на весь двор, дети раскачивались на канатной сетке, ковырялись в песке и даже дрались за право обладания плюшевой дичью. А по периметру площадки растекались ляжками по скамейкам их няньки и мамыши, с тупыми лицами уставившись в свои виртуальные окна.

Тим брезгливо сплюнул в пыль под ногами и направился к одному из обшарпанных подъездов, где в квартире 134 для него оставили открытой дверь.

В подъезде воняло плесенью и мочой. Лифт не работал. Легко перепрыгивая через ступеньки, Тим поднялся наверх и вошел в квартиру. Дверь в кухню была, как всегда прикрыта, и сейчас там кто-то демонстративно перебирал посуду. Тим даже не знал, как он или она выглядит, и это его устраивало. Миновав запыленную прихожую, он прошел в конец коридора, к новенькой глянцево-белой двери. Умный замок опознал его и открылся, автоматически включая свет.

За дверью был небольшой предбанник и еще одна дверь, на этот раз – сейфовая.

Тим гордился своей коллекцией огнестрельного оружия. В крошечной толстостенной комнатке прятался целый арсенал, причем многие экземпляры имели исключительно историческую ценность. К примеру, ППШ-41, участвовавший во второй мировой, пистолет Макарова и ТТ, американская автоматическая винтовка шестидесятых годов 20 века М-16, и еще недавно использовавшийся штурмовыми отрядами АШ-12-40 с крупнокалиберными двенадцатимиллиметровыми патронами. Отдел под современное оружие, по сравнению с коллекционной частью, был гораздо меньше. Здесь Тим держал подборку оружия, которым он предпочитал пользоваться в зависимости от ситуации: квадратный и мощный Шторм-02, аккуратный, приятно сбалансированный в руке Тульский-Дегтярев, крошечный, похожий на игрушку и совершенно бесшумный Клещ, кислотник модели А-7. И королева смерти, официально еще не запущенная в производство и находящаяся в разработке – снайперка, программное обеспечение которой позволяло использовать ее дистанционно. Ее тонкое изящное тело ложилось в руки, как скрипка. Несмотря на кажущуюся легкость, она очень устойчиво располагалась на штативе.

Тим с любовью взял ее с держателя, согревая теплом своих рук. Он понимал, что после сегодняшнего мероприятия королевы в его коллекции больше не будет. Она – запланированная потеря в их дуэте. Тонкими, чувственными пальцами Тим погладил ее от приклада до кончика ствола – на прощанье. Потом надел перчатки и принялся специальной салфеткой оттирать все свои отпечатки с оружия и штатива – тщательно, сантиметр за сантиметром. Закончив, вытащил из отдельного ящичка коробку с патронами: королева была создана как оружие устрашения, и потому стреляла уникальными мини-снарядами, разработанными специально для нее.

Аккуратно уложив винтовку и штатив в футляр, Тим закрыл сейф и направился к выходу.

Теперь ему предстояло доставить оружие на огневую точку.

***

Несмотря на большое количество народа, в конференц-зале стояла академическая тишина, и только голос губернатора негромко надиктовывал текст информационного письма гражданам. Однако благодаря грамотной акустической конструкции даже без микрофонов его речь звучала четко, внятно и без искажений. Большие квадратные окна открывали вид на строгое здание Министерства образования с одной стороны, и на клонящееся к закату солнце с другой. Огромная стеклянная люстра, имитирующая нейронную сеть, растянулась по всему потолку и равномерно освещала зал. Белые стены идеально сочетались с благородным, дымчато-серым оттенком напольного покрытия и мягких сидений для слушателей.

Илья Анатольевич Третьяк сидел в белом кресле, положив сцепленные в замок руки на стоящий перед ним крошечный столик, и рассказывал о своем видении будущего для области и государства в целом. Внешность Третьяка была колоритной и запоминающейся: высокая худощавая фигура, орлиный профиль, светлая кожа, упрямая линия рта и коротко стриженные, абсолютно седые волосы. Строгий костюм лазурного цвета выигрышно смотрелся на белом фоне и контрастировал с черно-синей формой сотрудников службы безопасности, расположившихся за его спиной и по периметру зала таким образом, чтобы прикрывать фигуру губернатора со всех сторон.

Около сотни журналистов, блогеров и репортеров расположились на сиденьях амфитеатра, и смотрели во все глаза, стараясь не упустить ни одной детали. Профессиональные линзы позволяли не только осуществлять видеозапись и трансляцию в сети, но и приближать интересные объекты, в режиме он-лайн оставлять под ними комментарии, прямо на ходу сопоставлять только что отснятую картинку с любой другой, опубликованной в вирте. К примеру, почти все участники пресс-конференции отметили, что Илья Анатольевич выглядит гораздо хуже, чем неделю назад. Как большинство политиков старой формации, он принципиально не красил поседевшие волосы, не проводил корректирующих косметических процедур и не стеснялся появляться на людях с честными мешками под глазами.

«Может быть, губернатор серьезно болен?» – сыпались в он-лайн ремарки.

Один из блогеров сместил фокус на ботинок Третьяка, выглядывающий из-за массивной ножки столика – тот ритмично подергивался.

«Кажется, Илья Анатольевич нервничает?»

– И последнее, о чем я хотел поговорить прежде, чем мы перейдем к вопросам, это социальный рейтинг, – голос губернатора, казалось, зазвучал громче и выразительней. – За последние два года его влияние на обыденную жизнь граждан значительно усилилось. Ни для кого не секрет, что социальным рейтингом начинают сверяться и работодатели, и учебные заведения, и даже молодые люди на стадии знакомства. Безусловно, это очень серьезный инструмент, однако кроме очевидных плюсов...

И в этот миг раздался оглушительный звон бьющегося стекла. Переливающиеся осколки выплеснулись на пол, а в разбитое, вздохнувшее свежим ветром окно влетел красный полицейский дрон.

Люди, сидевшие на первых рядах от окна закричали, отпрянули в сторону, закрыв лица руками. Телохранитель рефлекторно съежился, подставляя стеклянным брызгам спину.

– Стреляй! – хрипло прокричал стоявший позади Третьяка мужчина в черно-синем костюме. Одним прыжком он очутился рядом с губернатором. Илья Анатольевич, недоумевая, уставился на дрона. Репортеры с грохотом рванулись со своих мест на пол. Раздался выстрел, за ним еще один. Дрон резко спикировал вниз и ринулся на Третьяка. Охранник бросился вперед, закрывая Третьяка собой, а в следующую секунду прогремел взрыв.

Истошно завизжали женщины.

Кровавые ошметки разлетелись по полу, по стене, по нарядному гляncy столика. Голова Третьяка лопнула, разлетелась кусками в стороны. Тело безвольно упало в белое кресло, раскрашивая обивку алыми пятнами. Телохранитель успел только повернуть голову в сторону, туда, где оставленное без внимания окно стало вратами смерти, и тут же рухнул, как подкошенный, к ногам мертвого губернатора. Снаряд по касательной снес ему нижнюю челюсть. Сквозь месиво разорванной шеи фонтаном забила кровь, белесые позвонки и трахея выглядывали наружу. Он еще хрипел пару мгновений, а потом обмяк, затих и растянулся в липкой красной луже.

Одна часть участников конференции хлынула к выходу из конференц-зала, расталкивая друг друга локтями, крича и ругаясь. А другая с не меньшим ажиотажем ринулась к месту трагедии. Сотрудники службы безопасности требовали немедленно покинуть помещение, они

что-то кричали об опасности, пытались выставить оцепление, но люди умудрялись продолжать съемку из-за их спин, пролезали как можно ближе, выставляя в кадр руки с именными кольцами, варьируя масштаб и фокус картинки.

А несколько человек просто остались на своих местах, ничего не видя и не слыша вокруг, словно белое кресло с кровавыми пятнами лишило их воли и способности двигаться. Широко распахнув глаза, они так и стояли, как статуи, пока их не утащили к выходу под руки.

Лишь этим последним на выходе становилось плохо, когда они наконец приходили в себя.

Глава 3

Лиза выехала заранее, но все равно очень боялась опоздать. Из-за вечернего происшествия Москву лихорадило. На уличных экранах то и дело крутили замыленные купюрами кадры. В центре автомобили маялись в пробках: патрули досматривали и транспорт, и личные вещи пассажиров. Над городом кружили стаи полицейских дронов. Чуть ли не перед каждым торговым центром, офисным зданием или парковкой стояли группы людей в форме и с оружием. Лиза даже не предполагала, что в городе так много полицейских.

Маршрут, который в обычной ситуации занял бы не более получаса, уже растянулся на пятьдесят минут, а до клуба она пока так и не добралась. Лиза нервничала, от нервов начинала потеть, из-за чего принималась нервничать еще сильнее.

«Lizz, мы с Кирой застряли!»

«Оставила машину, думала вызвать такси. Но не я одна такая умная. В итоге пересела на метро. Выгляжу как дура в своем платье, но зато, надеюсь, успею...»

«Модераторы реальности уже дважды меня осмотрели и ощупали! Да что же это такое!»

«КисуЛЯ, они просто никак не могут поверить, что у тебя в лифчике не бомбы, а грудь седьмого размера!»

Лиза уже не утешала и не подбадривала девушек – саму бы кто подбодрил.

Поколебавшись, она решила все-таки отписаться Рэму.

«Добрый вечер! Мы изо всех сил стараемся приехать на место встречи вовремя, но не уверена, что это нам удастся!» Для убедительности Лиза снабдила текст плачущей рожицей.

Ответ пришел мгновенно.

«Никаких проблем.»

Лиза улыбнулась. Его письма всегда были короткими и угловатыми, и ей почему-то казалось, что такая манера говорит о нем, как о человеке, куда больше, чем все ванильные фотосессии вместе взятые.

Наконец, она отправила машину на клубную парковку, покрутила пальчиком свое изображение в трехмерном зеркальце, сунула вещицу обратно в сумочку и поспешила внутрь.

В клубе бесновалась музыка.

Звучала третья глава «Легкой смерти» Алики Нон-Стоп. Злые, хищные всплески женского вокала бились с децибелами звукового полотна, с каждой нотой ускоряя и без того стремительный ритм. На залитой красным светом сцене четыре танцовщицы в черном конвульсивно изламывали свои тела, символизируя раковые клетки в человеческом легком. Вокалистка, полностью обнаженная, сидела высоко над сценой на раскачивающихся цепных качелях, которые в обработке дополнительной реальности выглядели гигантским лотосом. Та же допреальность накладывала на голову исполнительницы длинные белоснежные волосы. Они спускались ниже чаши цветка, развевались в такт движения качелей и испускали сияние. На обнаженном теле девушки распускались и вспыхивали серебряные росписи. Она тянула руки вверх, и ее плечи и локти обвивались иллюзорной серебряной лозой. Это была душа, которая только-только осознала грозящую ей опасность, но сражалась со стадией отрицания.

Визуализаторы на танцполе обрабатывали на все сто: тонкие красные и желтые стрелы высоких нот вычерчивали причудливые графики под потолком, низкие и басистые – резкими сине-фиолетовыми зигзагами били в пол. На стене напротив сцены висел огромный экран, который выхватывал детали из происходящего действия и транслировал то изгиб черной латексной спины одной из танцовщиц, то лицо вокалистки с закрытыми глазами и кукольными, доходящими почти до середины щеки серебряными ресницами.

Протолкнувшись сквозь компанию антисексов в тончайших тканевых брюках, подчеркивающих отсутствие первичных половых признаков, Лиза направилась к лестнице на второй этаж. Переслав по требованию сотрудникам службы безопасности карточку резерва, она нетерпеливо застучала прозрачными прямоугольными каблучками по движущимся ступенькам.

Обычная уверенность возвращалась к ней с каждым шагом вверх. Лиза успела за пять минут до назначенного времени. И она знала, что выглядит потрясающе. Новое белое платье идеально подчеркивало ее узкие бедра и тонкую талию, глубокий, но деликатный вырез открывал небольшую красивую грудь. Шлейф дорогих духов добавлял образу изысканности и аристократизма. Она уже была абсолютно убеждена, что с легкостью затмит всех этих кисуль с раздутым выменем и унисексов с бритыми головами, когда до ее слуха из приват-комнаты донесся дружный хохот, перебиваемый нежными бубенчиками релаксирующей музыки.

Лиза шагнула в раздвинувшиеся двери... И изумленно застыла, не веря своим глазам. Вечеринка, которую она сама придумала и создала, встреча, которую она лично организовала и в которой собиралась играть ведущую роль, была уже в разгаре.

За большим столом в окружении семи барышень-активисток фан-клуба сидел Рэм, в белоснежной рубашке и широких льняных «хакамах». Ольга, в красном эпатажном боди и прозрачной юбке по-хозяйски наливала ему вино. Рэм весело протестовал, заявляя, что не пьет ничего крепче апельсинового сока. Вика, стоя сзади, прижималась выпадающим из декольте бюстом к его плечу, а Сабина, кокетливо играя массивной серьгой, пыталась перекрыть смех подружек:

– Девочки, попридержите-ка темперамент! А то если мы продолжим в том же духе, Рома от нас скоро убежит!

Рома?..

От гнева у Лизы перехватило дыхание. Ее подставили. Она с треском провалила свой шанс.

Развернуться и уйти?

Удавить всех этих гадин?

Надеть Сабине на голову соусницу?

Отчислить к черту из фан-клуба?

Да что вообще здесь происходит?!

Рэм будто услышал ее немой вопль во вселенную, и обернулся.

– О, у нас пополнение! Привет!

Чуть отодвинув Вику в сторону, он поднялся Лизе навстречу.

– Ты, кажется, Lizz?

«Все не так! Все должно было происходить совсем не так!» – мысленно прокричала она, а вслух сказала:

– Да, это я. Очень рада тебя видеть, – улыбнулась Лиза, стараясь не смотреть ему в глаза: так близко она видела Рэма впервые. Несмотря на каблучки, он был выше ее на целую голову, и от него очень вкусно пахло дымно-терпким парфюмом.

У Лизы внутри все болезненно сжалось.

– О, в этом никто и не сомневается, – развязно заявила Ольга, давясь подогретой алкоголем веселостью.

Лиза хотела спросить, каким образом они все здесь оказались и как давно, но ей подумалось, что такой вопрос дискредитирует ее перед Рэмом. Что это за президент фан-клуба, который ничего не знает о запланированном мероприятии? С другой стороны, она не могла не понимать, насколько глупо сейчас выглядит, особенно в глазах этих злорадно хихикающих крыс.

Ситуацию спасло то, что в эту минуту одна за одной повалили другие девчонки, и Лиза смогла юркнуть в тень, чтобы немного прийти в себя и сообразить, что делать дальше.

Девочки тоже удивлялись уже начавшейся вечеринке, но тут же забывали обо всех претензиях, чуть только встречались с дружелюбной улыбкой Рэма. Тут они таяли, вносили свои едва прикрытые прозрачными лохмотьями тела в комнату.

Это был абсолютный провал.

Однако с каждой новой барышней улыбка Рэма становилась все шире. Он весело шутил, охотно откликался на топорное кокетство подвыпивших девиц, и Лиза с удивлением поняла, что ему все это нравится.

Ее же саму он больше не удостоил ни единого взгляда. Казалось, он полностью увлечен обществом полуголых, жаждущих спаривания самок. Придуманной ею романтичный и маскулинный образ ежилась, плавился и таял буквально на глазах.

И тут в распахнувшиеся двери влетела Кира – крупная, широкоплечая трансгендер.

– Всем привет! – выпалила она, прижимая ладони к разгоряченным щекам. – Добрый вечер, Рэм, я, правда, очень счастлива... Но... Девочки, там какие-то ортодоксы зажали Нику!

Лиза всплеснула руками.

– Что же ты к охране не обратилась?

– Они все там драку разнимают в фойе...

Рэм изменился в лице. Зло сверкнув синими глазами, он оттолкнул ее от выхода и через плечо бросил:

– Пришлите мне фотку Ники на всякий случай!

Лиза на мгновение опешила: она не ожидала, что дивные глаза, любование которыми уже давно стало обязательным вечерним ритуалом, могут преобразиться в два злобных огонька. А потом побежала следом за Рэмом, за ней устремились Кира и другие девчонки.

На сцене тем временем на фоне красного свечения уже клубился черный дым приближающейся смерти. Лепестки лотоса, в котором сидела душа, безжизненно поникли, и, вспыхивая белым, медленно опадали. Музыка звонкими пронзительными каплями падала в нарастающий шум – начиналась ария депрессии.

Рэм перемахнул через перила лестницы, по-кошачьи приземлился и, маневрируя между плавно покачивающимися в такт музыке людьми, почти мгновенно очутился перед компанией из пяти молодых мужчин со светящимися крестиками на майках, окружившей очень высокую, но при этом хрупкую и миловидную трансгендера Нику.

Один толчок в основание черепа, и ближайший к Рэму ортодокс рухнул на колени, как подкошенный. Четверо других обернулись к неожиданному противнику, хищно осерились, и сразу два кулака метнулись Рэму в лицо. Он на секунду присел, и нанёс удар в челюсть одного из парней.

С трудом расталкивая народ, начавший собираться на зрелищную потасовку, Лиза пыталась поскорей пробраться к Нике и Рэму, чтобы как-то вмешаться в убийственную драку, где пятеро должны были раскатывать одного.

Она видела, как двое ортодоксов пытались ухватить Рэма за руки, и он вдруг пропал из поля зрения Лизы, а один из соперников мгновенно рухнул, как подкошенный, поджав ноги и держась за голени. На сторону Рэма встали двое молодых мужчин. Они отшвырнули одного из ортодоксов далеко в толпу, и переполненные энергией, выпивкой и дропсами зрители восприняли это как призыв к действию. Не разбирая, кто здесь против кого, они нахлынули со всех сторон, и началась безобразная стихийная потасовка. Лиза в ужасе закрыла лицо руками, но девочки принялись ее толкать локтями, и когда она наконец снова взглянула на происходящее, Рэм вытаскивал Нику за руку из разрастающейся свалки. Попутно он добавил кулаком под дых попавшемуся на пути ортодоксу, и выбрался на лестницу.

Звуки драки полностью поглотил вспыхнувший новый виток арии, скрежещущий железом и звенящий стеклом.

Протолкнувшись сквозь группу наблюдателей к девчонкам из фан-клуба, Рэм лучезарно улыбнулся, вручил им подругу и, наклонившись, прокричал:

– Я бы советовал вам свинтить отсюда! Продолжим как-нибудь в следующий раз!

Потом повернулся к Лизе, крепко схватил ее за руку и почти поволок за собой к выходу из клуба.

– Эй, ты что делаешь?! Куда ты меня тащишь?! – возмутилась Лиза, едва поспевая на каблуках за его широкими шагами.

Они влетели в фойе, откуда уже разводили людей с расквашенными носами в разные стороны: кого в медпункт, кого – в комнату ожидания для последующей передачи полиции.

– А к тебе у меня разговор есть. Так что поработаю такси, доставлю домой в лучшем виде! – процедил он, не оборачиваясь.

Снаружи уже опустилась настоящая, густая ночь. Глазастые автомобили праздничной гирляндой струились вдоль улицы, кричащие рекламные картинки с раздражающей навязчивостью пытались привлечь к себе внимание лениво прогуливающих прохожих. Пахло летом. Рэм остановился, выпустил руку Лизы и, взмахнув пальцем в пустоте перед глазами – видимо, вызвал машину со стоянки.

– Может, пройдемся пешком до церковного парка? – спросил он вдруг. – Хорошая ночь, подышать хочется.

Лиза пожала плечами.

– Давай...

Новомодные туфли на неудобных каблуках нещадно жали в тех местах, где уже раздулись влажные пузыри мозолей, но она была готова потерпеть еще немного.

Они неспешно зашагали вдоль подсвеченных витрин, смешавшись с медленным, разреженным потоком гуляющих.

– О чем ты хотел со мной поговорить?..

Рэм хмыкнул, держа руки глубоко в карманах и глядя себе под ноги.

– Я уже передумал.

– Хочешь, чтобы я теперь полночи не спала, гадая?

– Что ж, пусть будет хоть какая-то расплата за этот уцененный бордель, в который ты меня затащила, – хмуро отозвался Рэм.

Лиза удивленно вскинула брови.

– А мне показалось...

Ее фразу перебила немолодая дама в черном брючном костюме, отделившаяся от вяло-текущего встречного потока людей.

– Извините пожалуйста, вы, случайно, не Роман Коршунов? – спросила она, со смущенной улыбкой вглядываясь Рэму в лицо.

Хмурое выражение мгновенно слетело с его лица. Он остановился и ободряюще улыбнулся.

– Да, я Роман Коршунов, и совершенно не случайно!

– Ах боже мой, я так рада! – расцвела счастливой улыбкой женщина. – Вы – просто чудо! Я видела все ваши фильмы... Можно, я вас обниму? Вы уж простите за наглость...

– Не прощу, если не обнимете! – подмигнул ей Рэм, раскрывая объятия.

Она ахнула, прижалась на мгновение к его груди и, промакивая кончиком пальца навернувшиеся слезы в уголках глаз, пробормотала:

– Спасибо! Дай вам бог всего-всего, и главное – везения по жизни!

– И вам всего доброго. Спасибо, что смотрите.

Женщина прошла мимо, и Рэм, снова сунув руки в карманы, спросил:

– Так что ты там начала говорить?

Лиза, с интересом наблюдавшая всю картину, поплелась за ним следом, стараясь не думать о туфлях.

– Что ты выглядел абсолютно довольным в этом, как ты выразился, борделе.

Он фыркнул.

– А как я должен был выглядеть? Они пришли, чтобы пообщаться со мной, и я на это общение заранее согласился. Между прочим, с твоей подачи.

Лиза усмехнулась.

– Ну конечно! И ты отвечивал комплименты их вываливающимся из платьев огромным дыням исключительно по моей вине! – выпалила она со всей собравшейся за вечер обидой в голосе.

Он прыснул, с какой-то новой, незнакомой Лизе улыбкой взглянул на нее.

– Вообще-то прозвучало так, будто ты смертельно завидуешь их огромным дыням!

Лиза гневно тряхнула челкой:

– Да вовсе не дыням их я завидую!.. Я...

Она поняла, что спалилась на все сто. И что хуже всего, ее уши, щеки и шея предательски запылали, подтверждая, что оговорка была не случайной.

– Я вообще очень виновата перед тобой, – заговорила она, стараясь одним смущением скрыть другое. – Я описала тебе наш клуб, как сообщество тонких ценителей актерского мастерства, как... Ну в общем, нечто совершенно отличное от того, что ты увидел. Я не знаю, что на всех них нашло. Обычно – нормальные, абсолютно адекватные девочки... Я сначала хотела как-то все исправить, извиниться – но потом увидела, как тебе все нравится... И им нравится... Ты выглядел очень довольным.

Рэм глубоко вздохнул.

– Лиза, я – актер. Мне люди платят за то, что я выгляжу так, как им нравится.

Отвернувшись в сторону, Лиза проговорила:

– Я как-то не подумала... Так ты не на ортодоксов, а на меня так разозлился?..

– Нет. Я был зол на самую ситуацию... И на ортодоксов тоже. Ненавижу, когда кто-то считает себя вправе диктовать другим, как им жить.

Лизе вдруг стало легко. Рэм шел рядом с ней, сунув руки в карманы и шурясь на фонари – не совсем такой, каким она его себе рисовала, но настоящий, простой и достигаемый. Ей казалось, будто они знакомы уже целую вечность.

– Ясно. Дрался ты профессионально, я даже представить себе не могла, что ты так можешь. Мне почему-то казалось, что ты... как бы это сказать?.. не сторонник грубого выяснения отношений.

– Я не маньячу на тему подражаться, если ты об этом. Но иногда тычок в зубы – это лучший довод из всех возможных.

Лиза грустно улыбнулась.

– Все фанаты – жертвы побочного эффекта полного погружения. Сняли шлем, утерли слезы умиления, и нам начинает казаться, что знаем человека, чью роль только что посмотрели.

Рэм понимающе кивнул.

– Ну, это нормально. Когда ты десятки раз влезаеть человеку под кожу, чувствуешь его ощущениями, смотришь его глазами, невольно возникает иллюзорное ощущение близости. Та милая женщина, искренне пожелавшая мне удачи, наверняка считает меня персонажем «Разбитого сердца» или «Волчьей полуночи», – он усмехнулся, стянул с растрепавшегося после драки хвоста резинку, сунул ее в руку Лизе и принялся собирать хвост заново.

– Плохо, когда надуманная близость становится клиническим симптомом. Вот ты смеешься, а мне регулярно приходят трогательные письма в духе: «Милый, сегодня я видела дурной сон. Я знаю, как тебе плохо и одиноко. Напиши мне, и я спасу тебя!» – он закончил фразу с такой потешной интонацией, что Лиза рассмеялась. Напряжение, мучившее ее еще пару минут

назад, отступило. Живой, настоящий Рэм оказался совсем не таким, как она себе воображала, но с каждым мгновением он нравился ей все больше.

– С мужиками проще – их в основном занимает постановка трюков, как был отработан тот или иной эпизод... Дай резинку?

– Извини еще раз за это безобразие в клубе? – попросила Лиза, послушно протягивая плетеный резиновый шнурок.

– Отправь в delete. Бывает, – ответил Рэм, затягивая хвост потуже. – А ты чем еще занимаешься, кроме фан-клуба?

– Ну... В общем, всем понемногу. Я не работаю, сижу на госдотации... Играю... – уклончиво заговорила Лиза.

Он вдруг остановился.

– Эй, ты хромаешь?

Лиза отрицательно замахала руками и замотала головой.

– Нет-нет, все нормально! Просто немного устала на каблуках...

Рэм присел на корточки.

– А ну снимай туфлю.

Лиза насупилась.

– Не буду.

– Снимай, говорю! – потребовал Рэм, нахмурившись.

– Если я ее сниму, потом ни за что не вобью ногу обратно, – жалобным голосом призналась Лиза.

Он поднялся, одним движением подсадил Лизу на обрамляющий шоссе бордюр метровой высоты, и сам снял с нее туфлю. Присвистнул.

– Малыш, ты совсем дура, или как? У тебя тут мозоли кровавые, а ты...

Стащив вторую, он сунул их себе под мышку.

Пробежавшись пальцами по невидимой клавиатуре, нахмурился.

– Автомат отказывается сюда заруливать, ругается на правила. Посиди тут минут десять, сейчас машину вручную подгоню.

Скоро они уже ехали по ночному городу в черном кабриолете, и Рэм смешно рассказывал, как ему на студии вручили этот автомобиль во временное пользование под целый пакет обязательств, которые он регулярно нарушает.

До квартиры Рэм донес Лизу на руках. Перенес через порог, поставил босую на пол, а потом наклонился и поцеловал.

У нее перехватило дыхание. Где-то глубоко внутри Лиза понимала, что должна его оттолкнуть, что ситуация настолько тривиальная и пошлая, что ничего хорошего из нее не получится.

– Знаешь, что я больше всего люблю в сексе? – шепнул он, ласковыми руками расстегивая на спине замочек ее платья.

– Какой-нибудь жесткий изврат? – выдохнула Лиза, закрывая глаза и понимая, что сейчас она согласится на что угодно.

Он тихо рассмеялся.

– Нет. Мне нравится тот момент, когда все, что еще час назад было невозможно и нельзя, становится возможным и желанным.

Ее платье с нежным шелестом соскользнуло вниз.

***

В пять тридцать Рэм вышел на обычную пробежку. Хорошенько размявшись, он неторопливой трусцой застучал пружинящими подошвами по тротуару.

В такую рань город казался вымершим. Свежий утренний ветер теребил ветви деревьев и шелестел листвой. Приземистые, похожие на пластмассовые бочонки уборщики шуршали щетками по тротуарам, сметая пыль и ночной мусор. Басисто, будто шмели, жужжали плоские диски мойщиков стекол, ползая по витринам вверх и вниз. Сонные контролеры в зеленых куртках время от времени отлепляли их от уже вычищенных сегментов и переносили на новые. Дороги были пусты, только изредка над головой проносились такси, чтобы доставить заигравшегося ночными радостями клиента домой.

На пробежке Рэм не слушал музыку – ему нравились утренние расслабляющие звуки на фоне ритмичного стука обуви по дороге, и к тому же так было удобней болтать с Олегом, который обычно в это время собирался на боковую.

Свернув к бульвару, Рэм увидел склонившегося над мольбертом пожилого мужчину в кожаном фартуке, из многочисленных карманов которого торчали кисти, тюбики, тряпочки и еще неведь что. Улыбнувшись, Рэм махнул ему рукой, как старому знакомому, и тот, оторвавшись от работы, помахал ему в ответ. Рэм не знал, как зовут художника, но в последнее время регулярно встречал его по утрам в районе пробежки. Через бульвар наискосок – в Измайловский парк. Узкие, выложенные цветными плитками дорожки разбегались в разные стороны, извиваясь мимо мясистых стволов и маленьких коричневых лавочек. Здесь приятно пахло зеленым и влажной землей. Перейдя на шаг, Рэм запустил речевой онлайн чат.

– Привет, штурман. Есть новости?

Голос Олега на той стороне прозвучал радостно, но очень устало:

– Здорово, звезда! Новостей таун! Кто-то из спонсоров перевел тебе на беспалевный аккаунт бешеный кусок голды! Так что если нам повезет отыскать твой желанный пакет апгрейдов, следующий сезон будешь летать в суперлиге!

Рэм остановился.

– Ты шутишь?.. Я должен это увидеть! Отключусь на минутку!

Он подбежал к первой попавшейся скамейке, сел, вышел из своего аккаунта запустил полулегальный браузер «Shade», чтобы оттуда запустить персональный аккаунт Коша.

Через пять минут он перезвонил Олегу.

– Ну что, убедился? – с улыбкой в голосе поинтересовался тот.

– Не то слово, каждый ноль взасос расцеловал!!!

– Рано радуешься. К примеру, бустеры, которые ты себе хочешь, на данные момент вообще штучный товар на рынке. Как доставать будем – не знаю.

– Разберемся! Кстати, там только что письмо пришло. От начальника.

Рэм поднялся со скамейки, и потрусил дальше по дорожке, делая махи руками.

– От Уло?

– Да. Зайди, почитай.

– Горилле что ли неймется? – недовольно проворчал Олег. – Весь чат дерьмом закидал – все ему кажется, что его обделили.

– Он хочет приват, один на один. Сеттинг – заброшка на окраине.

Олег вздохнул.

– Ладно, давай вечером обсудим?

– Нечего обсуждать, я уже согласился.

Олег выругался.

– Ты идиот? Заброшка – это куча битого стекла и острое железо, а Горилла – мудака, которому нужно только одно: тупо тебе отомстить и снять с дистанции! И вообще, мог сначала мое мнение спросить, а потом уже ответ давать!

Рэм усмехнулся, сделал стойку на руках, потом мягко приземлился на ноги и ответил:

– Да я и так знал, что ты скажешь по этому поводу. В вопросах опеки ты хуже моей матушки.

– То есть ты понимал, что я буду против, но все равно согласился? И это называется «команда»?

– Не ершишь, – улыбнулся Рэм, растягиваясь на поперечный шпагат. – Ты, конечно, штурман, но рулю все-таки я. И мне не нравится, что в сети мое имя склоняют, как хотят. Нужно поставить точку, и приват – отличное решение.

Олег обиженно молчал.

– Не дуйся там, как девка красная, – попросил Рэм. – И, кстати, имей в виду: я сегодня до полудня буду офлайн.

– Зачем? – нехотя поинтересовался Олег.

– Глаза от линз воспалились, надо перед съемкой отдохнуть...

– Ты опять надел свои допотопные? – грозным тоном перебил его Олег.

– Не ругайся. У новых мне интерфейс не нравится: все какое-то кричащее, отвлекающее...

Над кронами деревьев прошуршал красный полицейский дрон. Рэм проследил за ним взглядом, перекатился назад через голову и, сгруппировавшись, поднялся и потрусил в обратном направлении.

– А настроить себе интерфейс не пробовал? – ехидно спросил Олег. – Там кнопка такая есть, называется «сменить настройки»...

– Представь себе, пробовал. Честно, пытался настроить скин плей-листа. Потратил больше часа, а в итоге все равно получилось не так, как хотел. Так что мне полжизни потребуется, чтобы откорректировать все, что меня раздражает.

Олег хмыкнул.

– Ну, в управлении они действительно не самые простые. Зато там улучшена функция дублирования предыдущего кадра в момент моргания и они не раздражают роговицу, можно месяцами носить, не снимая! Короче, привези линзы мне, я настрою как тебе надо.

– Я надеялся, что ты так скажешь, – улыбнулся Рэм.

– Вот значит как важные решения принимать – так это без меня, а как линзы настроить – так сразу понадобился! – с обидой в голосе, наполовину в шутку, но и наполовину всерьез фыркнул Олег.

Рэм прыснул.

– Высказался? Полегчало?

– Не очень. Можешь усугубить ситуацию рассказом о том, как ты девчонок вечером разводил, пока я делами твоей гильдии занимался!

– Да рассказывать особо нечего. Высмотрел себе приятную девочку, хорошо провели время. Думаю, даже повторим как-нибудь.

– А ты переживал, что будет сплошной цирк и зоопарк!

– И не зря, кстати. Но зрительница цирка оказалась очень ничего. Ладно, я отключаюсь.

– Пока!

У выхода из парка Рэм увидел симпатичную и стройную девушку в облегающем трико, которая раскладывала на газоне коврик для занятий гимнастикой. Чуть сбавив темп, он ей с улыбкой подмигнул, и перешел на спринтерский бег.

***

Прохватившись в шесть утра, Лиза обнаружила, что Рэм уже ушел. Уткнувшись носом в подушку, пропахшую запахом его кожи и парфюма, она расплакалась, и незаметно для себя уснула.

В десять Кара разбудила ее.

– Здравствуйте! Вы просили напомнить, что, цитирую: с моей задницей нехрен спать до полудня, иначе ни одно приличное платье не налезет на жирные ляжки! Ваш гость просил передать вам после сигнала будильника, что, цитирую, мне нужно идти, будить тебя не стал, спасибо за вечер, все было волшебным, еще споемся, пока! Поднимаю шторы!

Лиза уткнулась лицом в подушку.

– Да уж... Идти ему нужно посреди ночи... – пробормотала она, не в силах разлепить опухшие от слез веки. И уже с обидой рывкнула:

– Кара, не смей меня больше будить по утрам! Тем более такой мерзкой фразой!

Кара пару секунд помолчала и спросила:

– Хотите снять режим будильника и переписать утреннее приветствие?

– Отменить будильник и все дополнительные функции. Оставь меня в покое, бездушная тварь...

Тяжело вздохнув, Лиза свернулась калачиком под одеялом и пролежала так еще полчаса. Потом выбралась из постели, подобрала с пола валявшийся кружевной лиф и уселась за стойку полного погружения. И вошла в вирт.

Оказавшись в своем кабинете, она сразу почуяла неладное: ее милый маленький столик, казалось, едва выдерживал вес раздувшегося до безобразия аквариума, в котором кишмя кишело письмами. На полу валялись безмянные серые книжки – предложения поболтать с неизвестных аккаунтов. Светилась и переливалась на полке книга Анны и книга матери: они обе были онлайн и желали поговорить с ней.

Вытащив за корешок книгу Анны, она раскрыла ее, и через мгновение перед ней уже стоял знакомый мультяшный аватар.

Увидев подругу, Лиза повисла у нее на шее и расплакалась.

– Аня, милая, я так влипла, ты бы знала!

– Привет, Лиз. Да уж, я понимаю, – сочувствующим голосом проговорила Анна, поглаживая подругу по спине.

– Что ты понимаешь? Ань, я, кажется, влюбилась... Я вчера переспала с Рэмом...

– Да, я знаю.

Лиза отстранилась от подруги.

– Ты знаешь?..

Аня грустно кивнула пружинистыми хвостиками.

– И не только я.

– Как это? – оторопело прошептала Лиза.

– Я так понимаю, ты еще не в курсе? Сегодня в семь утра он выложил ваше видео в сеть. И оно поддерживается консолью полного погружения. Так что сейчас тебя может трахнуть каждый, у кого есть шлем.

Лиза онемела.

Резкий уход Рэма посреди ночи. Распертый от количества писем почтовый ящик. Ворох предложений поболтать с неизвестных аккаунтов. Мама в режиме онлайн, жаждущая поговорить с дочерью...

– Так значит Рэм... сделал трансляцию? И выложил ее в открытый доступ? – наконец смогла выдать из себя Лиза.

Аня с печальной мордашкой погладила ее по голове. Две анимационные слезы плюхнулись на прозрачный пол и растаяли в воздухе.

– Мне очень жаль, солнышко. Твой принц оказался последним улюбком.

Глава 4

Таймер застал Александра Моисеевича Гиленсона свежим, гладко выбритым и одетым к выходу.

Мягкий кэжуал-пиджак в мелкую черно-зеленую полоску деликатно скрывал наметившуюся рыхлость его фигуры. Гиленсону было едва за пятьдесят, но выглядел он гораздо старше. В темных слегка вьющихся волосах проглядывала обильная седина, в уголках небольших, но очень внимательных глаз пролегли мелкие смеющиеся морщинки, а вдоль лба – две глубокие, задумчивые. Он сидел за столом у единственного в его квартирке узкого окошка,пил горячий какао и разглядывал колонию муравьев в прозрачном искусственном муравейнике, рассеянно слушая новостную ленту.

Сейчас его слабо интересовала и подготовка третьей смены колонизаторов Марса, и запуск новой модели воздушного такси. Огромная розовая коробка с бантом, примостившаяся на стуле в прихожей, занимала Гиленсона гораздо больше. Двадцать второе мая – день рождения Жданы.

Муравейник устойчиво ассоциировался у него с городом. Точно так же, как и муравьи: люди суетятся, решают насущные проблемы, появляются на свет, живут и умирают. Так же, как муравьям в кормовую нишу насыпают еду, людям дают ежемесячную дотацию: не слишком мало, чтобы они не начали пожирать сами себя, и не слишком много, чтобы не пресытились. Круглосуточное наблюдение со стационарных камер и полицейских дронов уже давно превратили любые стены в городе в прозрачные. Системе известны все маршруты каждого муравья: куда ходит, с кем общается, работает ли. По данным аккаунтов и посещаемым страницам можно установить, кто и чем питается, во что играет, услугами какого медицинского учреждения пользуется, какого размера одежду заказывал в последний раз.

Прозрачный город терпеть не может затемненных углов.

Право на «непрозрачную» жизнь есть лишь у тех, кто носит королевский статус.

Но Александр Моисеевич как раз очень любил тени. Они будили в нем исследовательский азарт. Он даже специально наклеил на некоторые участки муравейника затемняющие наклейки, чтобы время от времени отдирает их от пластика и рассматривать, какие секреты пытались там спрятать муравьи.

Александр Моисеевич был следователем.

После развода, случившегося десять лет назад, он арендовал квартиру в «крестах»: крошечная комнатка с четырьмя полуметровыми нишами: под кухонные принадлежности, санузел, прихожую и гардеробную. Теснота жилья его не смущала. Добротную квартиру в центре Гиленсон позволить себе не мог, да он и не нуждался в ней. А вот каморка в одной из узеньких «крестовых» многоэтажек, втиснувшихся между старыми домами на Фрунзенской, пришлась в самый раз.

Когда электронный голос таймера сообщил, что уже восемь часов утра, Гиленсон нахмурился. Доставщик опаздывал. Сегодня Александр Моисеевич не планировал завтракать дома, но выкупленная подписка на домашнее меню и природная прижимистость не позволяли ему отказаться от еды, за которую он уже заплатил.

Полистав новостные каналы, Гиленсон вдруг остановился на утреннем шоу Славы Обухова: размеренные интонации Роберта Ледовских, назначенного на пост губернатора, обладали гипнотическим свойством. Его хотелось слушать. Поколебавшись минуту, Гиленсон развернул видео в большом окне и закрепил его на статичную точку реальности – на стену.

На своего предшественника, Третьяка, Ледовских не походил совершенно. Он принадлежал и к другому поколению, и другому типу людей. Он всегда выглядел идеально. Подчеркнуто молодежавый и атлетичный, несмотря на заявленный сорокасемилетний возраст, он

явно не стеснялся использовать новейшие косметологические средства. Резкие черты лица, упрямый рот, довольно скупая мимика и уверенный тон выдавали в нем человека жесткого. Внимательный цепкий взгляд, богатейший словарный запас и умение без запинки отвечать журналистам правильными сложноподчиненными предложениями заставляли думать о нем, как о человеке неглупом. До сих пор Ледовских пребывал в тени своего начальника, и мало кто мог бы решительно сформулировать о нем свое мнение.

«Если бы человек, пробуящий в первый раз в жизни взломать какую-нибудь самую простую функцию в игре, или школьный аккаунт, чтобы удалить плохую оценку, понимал, что за это нарушение его ожидают годы на «Стороже» или еще в какой-нибудь тюрьме строгого режима, он бы вряд ли пошел на этот шаг. Вы согласны?»

И если бы взлом и перепрограммирование объектов специального назначения карался пожизненным заключением или смертной казнью, количество готовых на такое преступление хакеров тоже поубавилось бы. А если добавить к ужесточенным мерам против самого преступника, к примеру, жесткое обнуление социального рейтинга у всех его ближайших родственников и друзей, это удесятирит продуктивность работы по борьбе с информационными преступлениями. Сами родственники и друзья, понимая, чем грозит близость с социально опасным человеком, никогда не стали бы покрывать его незаконные увлечения! Понимаете?»

Да, конечно, сейчас общественность гораздо больше интересуется заказчик, а не исполнитель. Но лично для меня они абсолютно равноценны. Ужасная правда заключается в том, что мы вряд ли сможем найти их обоих. Потому что и наш исполнитель, и заказчик спрятались в тени «Shade»! Зовите меня параноиком, но я склонен считать, что все пользователи «Shade» в чем-то нарушают закон, потому что честному человеку незачем прятаться по углам – ему нечего скрывать!»

Мелодичный звук дверного звонка отвлек Гиленсона от просмотра трансляции. Он поспешно схлопнул видео одним жестом руки и поспешил к доставщику, чтобы забрать свою порцию яичницы с помидорами и фаршированные блинчики, которые привозили по вторникам. Сунув их в холодильник, не распаковывая, Александр Моисеевич отправился к дочери.

Высокие серые стены учреждения были напичканы камерами слежения, но так деликатно, что большинство случайных прохожих никогда не подумали бы, что это белое здание с раскинутыми в стороны крыльями зимнего сада – не какая-то обычная больница узкого профиля. Разве что отсутствие опознавательной таблички у входа могло бы натолкнуть на какие-то тревожные мысли, но кто всматривается в такие здания?

Конечно, учреждение обладало официальным статусом, регистрационным номером и, чисто теоретически, о его существовании могли узнать все, кто задался бы такой целью. Информация не являлась закрытой, просто она не выпячивалась без острой необходимости. Слушать о достижениях геной инженерии любят все. Размышлять о ее неудачах уже давно перестало быть трендом.

Гиленсон постучал в закрытое окошко контрольно-пропускного пункта, и через несколько минут жалюзи сдвинулись в сторону, а в окне появилась голова дежурного.

– Доброе утро, чем могу помочь? – спросил он, изо всех сил стараясь выглядеть доброжелательным.

– У меня сегодня посещение отделения Б. Вам должны были прислать пропуск на имя Гиленсона Александра Моисеевича.

Дежурный кивнул, открыл окошко и протянул посетителю квадратный сканер.

– Пожалуйста, прижмите...

Гиленсон знал, что делать, и без его инструкций. Он приложил к светящейся поверхности сканера большой палец, и дежурный на мгновение замер, отыскивая в своем почтовом ящике соответствующий пропуск.

Наконец он еще раз кивнул.

– Все в порядке, проходите в досмотровую.

Двери щелкнули и раздвинулись, впуская посетителя внутрь, и тут же снова закрылись. Прямо перед Гиленсоном стояла кабина досмотра. Он вошел в нее и замер, чтобы сканеры могли как следует изучить содержимое как розовой коробки, так и его карманов и даже кишечника.

– Готово, Александр Моисеевич, проходите, – сказал наконец дежурный, открывая турникет.

– Спасибо.

Гиленсон раскачивающейся походкой направился в клинику, а вслед ему из каморки дежурного выглянула оперенная красными дерзкими прядями юношеская голова.

– А это кто? Какой-то проверяющий? – ломким фальцетом спросил молодой человек, обернувшись к дежурному.

– Спрячься, придурок, – прошипел тот. – Сейчас увидит кто-нибудь...

Голова послушно нырнула ниже уровня окна.

– И все же, кто это?

– Папаша одной из пациенток.

– Серьезно? – жеманно прижав тонкие ладошки к щекам, воскликнул юноша. – Это же очень, очень интересно! Я даже не знал, что ваших клиентов навещают родственники. Просто отлично, такая деталь сделает репортаж еще более живым!

– Обычно никого из них не посещают, – мрачно констатировал дежурный. – Этот дядька – уникальный тип, его все у нас знают. Он приходит каждую неделю, в субботу. Один раз пропал на три месяца – мы уж решили: помер. Оказалось, лежал в больнице после инсульта.

– Котик, я должен с ним поговорить! – взволнованно проговорил юноша.

– Да пожалуйста, только по-умному и мимо меня. Если узнают, что я делюсь с блогерами внутренней информацией, меня отсюда вышвырнут, и ты сам будешь зарабатывать на рекламу.

– Не волнуйся, – улыбнулся молодой человек, погладив дежурному выпуклые ягодицы. – я же не враг тебе. Выпусти меня на улицу, я его там покараулю?

– Дурацкую ты тему выбрал для репортажа, – недовольно проворчал дежурный. – Такими темпами мне придется вторую работу искать, чтобы твой блог не укатился из топовой сотки в топовый тысячник...

– Папа, папа! – радостно кричала Ждана, хлопая в ладоши. – Кука! Кука, патье! – лопотала она.

Гиленсон улыбался.

– Тебе нравится, детка?

Ждана не поняла вопроса. Она выхватила розовую коробку и поковыляла на середину комнаты, чтобы усесться поудобней на коврик и распотрошить подарок.

Трехлетний ребенок в теле пятнадцатилетней девушки.

– Тебе помочь? – спросил Гиленсон, присаживаясь на корточки.

– Ам`а! – обиженно ответила Ждана.

– Ты сама?

– Та!

– Хорошо.

Александр Моисеевич с любовью всматривался в ее хорошенькое личико, на котором светилась неподдельная радость. Внешность – это единственное, что удалось геным кудесникам сделать в полном соответствии с требованиями матери. Коротко стриженные каштановые кудряшки обрамляли идеальный овал лица, яркие брови вразлет, неестественно огромные олени глаза с виноградно-зеленой радужкой, аристократичный излом губ.

Он поднялся и обернулся к врачу.

– Иван Игнатьевич, я очень признателен вам за оформление пропуска. Я только вчера сообразил, что опоздал подать заявку – совсем закрутился на службе.

Седоволосый доктор с роскошной окладистой бородой понимающе кивнул.

– Не стоит благодарности. Я так и подумал, что у вас рабочие сложности – такие вещи творятся...

Гиленсон устало отмахнулся.

– Ох, давайте не будем об этом. Вчера отдел лихорадило почти до утра.

– Я понимаю.

Гиленсон наблюдал, как Ждана обнимается с огромной куклой в пышном свадебном наряде и разговаривает от ее лица на своем лепечущем языке.

– Вы сейчас в зимний сад? – спросил доктор.

– Нет, прогулку оставим до субботы. Мне нужно на службу. Прощаться с ней не буду, а то она расплачется...

Доктор вздохнул, отвел глаза в сторону.

– Хорошо, я понимаю... И еще... Я, конечно, не имею права вам это рассказывать, но не могу промолчать, поскольку слишком симпатизирую вам. Ваша бывшая супруга опять подала прошение о применении к Ждане экспериментального метода лечения...

Гиленсон онемел. Вскинув брови, он тяжело и шумно выдохнул, устало прижав ладонь ко лбу.

– Сколько же можно... Иногда мне кажется, что остановить эту женщину можно только задушив, – проговорил он наконец.

Иван Игнатьевич хмыкнул.

– Будем считать, я этого не слышал...

– Спасибо за предупреждение. Теперь у нас с адвокатом будет возможность подготовиться к суду как следует.

– Не за что. И удачи вам.

Пожав руку доктору, Александр Моисеевич направился к выходу.

Молодой блогер выскочил на Гиленсона из-за угла, как будто хотел его ограбить.

– Доброе утро! Меня зовут Янис, я – ведущий блога «Рвем обои». Пожалуйста, ответьте на пару вопросов!

Гиленсон смерил взглядом его затянутую в лиловый латекс фигуру и поморщился.

– Не интересно, – отмахнулся он от блогера.

– Время обновить интерьер мышления и сорвать старые обои! – торопливо выпалил Янис свой слоган для будущих зрителей, и, пытаясь Гиленсону преградить путь своей тощей грудью диетического цыпленка, продолжил:

– Вам не кажется, что пора обновить мнение общества о генетическом моделировании? Это правда, что здесь содержится ваша дочь, и вы ее навещаете? Она – генетический урод? Что с ней не так? В чем была ошибка врачей?

Янис задавал вопросы быстро, без запинки, тараторя, как ускоренный транслейтер. На вопросе об уроде Гиленсон остановился. Подняв на юношу тяжелый недобрый взгляд, он проговорил:

– Глядя на вас, меня начинает терзать вопрос, а с вами-то что не так? В чем была ошибка врачей в вашем случае?

Парень не обиделся.

– Я очень рад, что вы все-таки решились поговорить со мной.

– Молодой человек, вы действительно не видите разницу между «послать» и «поговорить»? Выключите уже свою трансляцию!

У Яниса безвольно упали руки, нижняя губа огорченно выпятилась вперед.

– Вас же Александр Моисеевич зовут? – уже без жеманных кривляний своего медийного образа спросил он.

– Да.

– Послушайте, Александр Моисеевич, вы уверены, что вам действительно нечего сказать? Вашего ребенка превратили в инвалида, а вы даже не испытываете потребности кому-то за это отплатить? Врачи стали причиной вашей личной трагедии...

И тут Гиленсон не выдержал. Брызгая слюной, он прокричал в лицо блогеру:

– Причиной моей личной трагедии стала не гениальная инженерия, а непроходимая глупость женщины, которая захотела родить не ребенка, а сверхчеловека! Ей нужен был гений, каких еще не знала история! Понимаете? И добрая половина всех пациентов этой клиники, если не больше – результат нездоровых фантазий их матерей!

Янис сначала испуганно отшатнулся от взорвавшегося гневом собеседника, а потом в его подведенных красно-черными стрелками глазах вспыхнула идея.

– Фанатичные матери. Женские комплексы как источник зла. Феминистки будут выть и плакать от ярости! Александр Моисеевич, подождите! Вы же сейчас о своей жене говорили, госпоже Голиковой?

Гиленсон удивленно покачал головой.

– И когда только вы успеваете...

– Если честно, я видел вас входящим сюда и караулил, так что у меня было время идентифицировать вас и поднять биографию... – почему-то смущенно признался Янис. – Так вот... Я могу вам помочь в вашей борьбе за право единолично распоряжаться судьбой дочери. Медиа-сфера – это великая сила в наше время. Голикова как разработчик новейших методик по расширению возможностей человека и глава движения «Здоровая жизнь» здорово пострадает от такой перепалки, ее социальный рейтинг неминуемо упадет, и вы сможете действовать свободней! Мнение общественности будет на вашей стороне. Я получу популярную серию видеосов, а вы увеличите шансы стать единственным законным представителем ребенка. Наше сотрудничество выгодно нам обоим!

Гиленсон уж было хотел решительно направиться к парковке, но вдруг остановился. Обернувшись к Янису, он медленно и задумчиво проговорил:

– Знаете, а ваша идея не лишена разумного зерна... Да, не лишена... Я должен подумать и взвесить все. Свяжетесь со мной вечером? Может быть, я действительно дам вам интервью. Но не сейчас. Сейчас я не готов обсуждать эту тему.

Янис радостно закивал, и красные пряди-антеннки задрожали у него на висках и макушке.

– Хорошо. Отлично! Я напишу вам вечером. Я тоже продумаю подробней линию нашего репортажа, и мы сможем ее обсудить.

– Добро.

– До связи, Александр Моисеевич!

– До вечера.

Пока Гиленсон в задумчивости шел за машиной, в углу интерфейса возникла красная иконка с изображением колокольчика, а в ушах зазвенел мелодичный мотив старой песенки.

В машине Александр Моисеевич вытащил из-под сиденья портативный шлем полного погружения: на рабочем месте полагалось быть во всеоружии, без ограничения тактильных или еще каких-либо ощущений. Как только он вошел в личный кабинет, сразу увидел парящий в воздухе конверт с подписью начальника отдела.

В сообщении значилось: «Появилась новая информация о твоих летунах. Информатор сообщил, что послезавтра должна состояться внеочередная встреча двух трейсеров, участвовавших в прошлом матче. Зайди ко мне, я передам тебе подробности».

***

Олег был типичным «кактусом».

Это определение появилось лет пятнадцать назад, после выхода блистательной драмы Томаса Стоуна о юноше-хикикомори, которая так и называлась: «Кактус». Герой Стоуна после долгих и мучительных попыток изменить свою естественную природу, в конце концов, решается признать, что не хочет всех тех вещей, которые другие люди возводят в ранг абсолютных ценностей. Его счастье – жить, как комнатное растение, никогда не покидая уютный мирок подоконника, не подпускать к себе никого лишнего и смотреть на мир исключительно через безопасное стекло виртуальной реальности.

Под каждым из положений Олег мог бы расписаться.

Завершив разговор с Рэмом, он почесал отросшую рыжую бороду, и решил, что пора бы ее сбрить – волосы, достигнув определенной длины, начинали завиваться в кудряшки и раздражать подбородок бесконечным покалыванием. И с тоской взглянул на свою постель. Ее вид с каждым днем становился все печальней: белье упорно превращалось из белого в зелено-вато-серое. Приближался день уборки. Олег ненавидел уборку, потому что испытывал почти физическую боль, когда все эти чужие женщины трогали руками его личные вещи, развешивали свежевывстиранное, пахнущее резкими отдушками белье в гардеробе, а по полу и окнам ползали роботы, один только внешний вид которых вызывал у Олега панические атаки. А ведь они еще и двигались, издавая омерзительные звуки!

Он не боялся даже самых жутких мобов в вирт-играх с полным погружением, но в реальности банальный мойщик мог бы довести его до нервного срыва. И тому было абсолютно логичное объяснение: в вирте чудовищам противостоял могучий маг 957 уровня, в пуленепробиваемом и огнеупорном хитоне, в наручах +250 к скорости кастования заклинаний и набором посохов в рюкзаке. А в реальности в распоряжении Олега был только кожаный мешок с костями и жидкой красной субстанцией, именуемой “кровь”, – совершенно беспомощный, не способный ни к воскрешению, ни к самоизлечению.

Дорога в ванную комнату ему всегда казалась слишком длинной. До туалета было так же далеко, но Олег решил эту проблему, поставив себе в спальную портативный стульчак для пикников со сменными пластиковыми контейнерами. Можно было перенести туда же душевую кабину и раковину, но это означало серьезные ремонтные работы, на которые Олег никогда бы не согласился.

Огромная квартира на Новом Арбате, доставшаяся ему от отца, могла бы стать предметом зависти практически для любого москвича: высокие потолки, панорамные окна, четыре просторные комнаты с холлом, двумя гардеробными, кухней и столовой.

Но кактусы любят маленькие, тесные горшки. Поэтому Олег в основном жил в одной-единственной комнате.

Сбрив рыжую поросль на лице, он дружелюбно улыбнулся молодому вихрастому парню, появившемуся в зеркале вместо дикого лешего. Понюхав подмышки, стащил с себя квадратную, похожую на наволочку, трикотажную «фришку» с коротким рукавом, и вытащил из шкафа свежую.

Довольный собой, Олег вернулся в комнату, аккуратно застелил постель подобранным с пола покрывалом, чтобы не видеть нездоровый цвет белья, и, поколебавшись, присел в dream-chair – мягкое пластичное кресло, способное принимать нужный рельеф и угол наклона спинки и самого сиденья, с роскошными подлокотниками. Водрузив на голову шлем, Олег погрузился в вирт – всего лишь на минуточку, чтобы еще раз проверить аккаунт Коша. Прочитал письмо от Уно, повздыхал и удалил его на всякий случай.

Потом вернулся к себе, и с удивлением обнаружил на почтовой доске сообщение рассылки, прибитое большой оперенной стрелой. В письме сообщалось, что с аккаунта Рэма выложено новое видео.

Не задумываясь, Олег перешел по указанной ссылке.

И прямо перед собой увидел нежное женское лицо с выразительными миндалевидными глазами.

– Знаешь, что я больше всего люблю в сексе? – вырвался из его гортани низкий шепот. Пульс ускорился, телу стало жарко, напряжение внизу живота стремительно перерастало в эрекцию. Под руками Олег чувствовал гладкость ткани ее платья. Нашупав пальцами маленький язычок замочка, медленно потянул его вниз, другой рукой чуть касаясь открывающейся бархатной кожи.

– Какой-нибудь жесткий изврат? – выдохнула девушка, закрывая глаза.

Он тихо рассмеялся. Желание немедленно сорвать с нее все, раздвинуть колени и вонзиться в ее нежное, влажное нутро как можно глубже стало нестерпимым.

– Нет. Мне нравится тот момент, когда все, что еще час назад было невозможно и нельзя, становится возможным и желанным.

Наклонившись, он жадно впился губами в ее мягкие полуоткрытые губы, пахнущие пудровой помадой, правой рукой скользнул под кружево белья. Теплая упругая грудь с твердым зернышком соска послушно легла ему в ладонь...

Олег сорвал с себя шлем, тяжело дыша.

Соблазн досмотреть все до конца был очень велик, но моральный кодекс Олега не позволял ему заниматься сексом с девочкой единственного друга, пусть даже сексом виртуальным.

В брюках все горело и требовало продолжения. Чтобы успокоиться, Олег походил по комнате, просматривая в режиме допреальности комментарии к видео.

«Вот это да! Я вдул ей два раза подряд!»

«Отправила ссылку своему другу в образовательных целях. Пусть просвещается, долбоебина!!!»

«Я кончила уже в середине!..»

«Какая жалость, что видео нельзя посмотреть от лица девушки!»

«Интересно, а как вообще это видео могло запоститься без пометки «порно»?»

«А кто знает, что за девушка на видео? Такая красотка!»

«Вот это да, не знала, что Рэм снимает такое!»

«Ха-ха-ха, эта блядь, которую Рэм пялит – Елизавета Серова, дочка нашего нового препода! Интересно, это он ее так сосать научил?»

Вот на этом комментарии Олег словно проснулся. Сексуальное возбуждение сменилось неприятным тянущим ощущением, а вот голова, наоборот, запылала.

– Запрос: Елизавета Серова, Москва. Найти фото, – вслух скомандовал он, потому что всегда пользовался только голосовым управлением: привилегия тех, кто не бывает на людях.

Система ответила на запрос мгновенно. В маленьком поисковом окошке вверху интерфейса по очереди стали высвечиваться фото. Девушка из видео оказалась второй в списке.

«Елизавета Алексеевна Серова...»

Вот теперь, когда ее личность правильно указана прямо в комментариях к видео, бедняжке придется совсем несладко.

– Пиздец!.. – проговорил Олег, немигающим взглядом уставившись на буквы статьи.

Он плюхнулся в кресло, попытался связаться с Рэмом – но тот был оффлайн.

Олег вспомнил о линзах и предупреждении, и беспомощно обмяк, свесив руки с подлокотников и закрыв глаза. Помедитировав так минут пять, он написал письмо-молнию для Рэма, потом надел шлем и отправился в Фейриленд, чтобы немного сбросить напряжение.

В игру, которая стала практически домом для миллионов подписчиков по всему миру.

Глава 5

Олег заспавнился в мирной локации возле Древа Переговоров.

Наполненный цветочными ароматами воздух приятно и успокаивающе щекотал ноздри. Ослепительное голубое небо, на котором даже днем просматривались разноцветные россыпи звезд, расстиралось над желто-зеленой равниной. На вершине холма росло громадное дерево, пылающее негасимым и не обжигающим голубоватым пламенем. У его корней сейчас собиралась большая группа игроков: враждующие кланы пришли что-то прояснить в своих отношениях в мирном режиме.

Поскольку свидетелей нигде не любят, Олег поправил почти невесомый рюкзак на спине и направился на юг, в Зеленые топи. Он мониторил эту локацию уже больше недели, в ожидании появления уникального монстра – двухголовой выдры, из которой в десяти процентах случаев могла выпасть «руна сокрытого подземелья». При удачном прохождении подземелья можно было получить не только редкую ачивку, но и уникальный гильдейский сундук, способный однократно скопировать положенную в него шмотку или удвоить голду.

Пейзаж сменился резко. Узкая тропа теперь вилась меж светящихся зеленых болотных кочек, низкорослые тинохлебы, шурша коричневой листвой, неспешно переползали с места на место, перебирая короткими розовыми корешками. Все чаще стала встречаться плотная паутина тонконогих падальщиц.

И вдруг до слуха Олега донесся женский крик и пыхтение топкого слизня. Навигатор мгновенно определил расположение источника звука, и он поспешил на помощь.

Темная эльфийка тридцать шестого уровня бегала кругами от слизня девяносто пятого, и единственное, что ее пока спасало – это относительная медлительность моба.

Олег выхватил из рюкзака посох провидения, и яркая желто-красная молния из его руки вцепилась слизню в голову. Монстр пыхтел, изворачивался, пытался ползти по направлению к новому противнику, но ровно через пять секунд превратился в горстку пепла.

На звук битвы прибежали две тонконогие падальщицы.

– Встань у меня за спиной! – скомандовал Олег, принимая воинственную позу.

– Вообще-то это будет непросто, – резонно заметила эльфийка, расправляя плечи и демонстрируя все два стандартных метра невероятной чернокожей красоты.

– Гы, – осклабился Олег, заливисто забрасывая длинную гномью бороду на плечо. – А ты как-нибудь скукожься!

Кинув на падальщиц заклинание остекленения, Олег чуть отбежал от них и ударил метеоритным дождем. Падальщицы зашевелились. Потеряв до половины жизни, они тем не менее сохраняли скорость. Одна метнула в гнома липкую паутину, но Олег уклонился, и паутина закрутила в кокон эльфийку.

– Прости, я не хотел!

Подскочив к обидчице, Олег ударил ее «тайным ударом мага» под брюхо, и она перевернулась. В то же мгновение он накрыл ее «огненной волной» в уязвимое место и сжег, так что на покрытой мхом кочке осталась только горстка пепла.

Вторая падальщица тем временем цапнула его за плечо. Отпрыгнув, Олег принялся ее бить не очень мощным, зато очень быстрым заклинанием «душегубство». На пятом ударе паучиха наконец сложила лапки, пискнула и сдохла.

Олег вернулся к эльфийке и с помощью ножа высвободил ее из кокона.

– Ты как вообще оказалась в этой локации? Тебя же тут даже блохи сожрать могут! – принялся журить ее Олег.

– Меня друзья тут бросили, – пожаловалась та. – Я вообще только начала играть в «Фейриленд», у меня основной перс в «Огненной дубраве».

Олег пренебрежительно фыркнул.

– «Огненная дубрава» – прошлый век.

Эльфийка кивнула.

– Ну да, здесь все круче...

– А что же твои так называемые друзья в гильдию тебя не взяли? В гильдию не взяли, в локации девяносто пятого уровня бросили... Какие же это, к лешему, друзья?.. – ворчал Олег, перебирая в рюкзаке шмот в кармашке «на продажу», но ничего такого, что могло бы выручить бедняжку, не нашел.

– Возьми меня в свою? – попросила эльфийка.

Олег хмуро ткнул пальцем в надпись у себя над головой:

– Видишь, что написано?

– «Отпетые пиздюки», – прочитала эльфийка. – Ну и что?

– А то, что у нас гильдия пиздюков. То есть низкоросликов. Гномы, дворфы, хоббиты – понимаешь?

Она вздохнула.

– Понимаю... А может, ты меня проводишь до телепорта? А то он очень далеко, и мне боязно...

Олег задумался, хмыкнул.

– А что, это можно. И кстати, он не так уж далеко.

– Он же в Синь-граде, напротив аукциона, разве нет?.. – недоумевающе спросила эльфийка.

Олег хитро прищурился.

– Тут есть еще один, тайный. Он в подземелье, работает только от лунной руны, но у меня такая есть!

Эльфийка обрадовалась, захлопала в ладоши.

– Ура! А может, ты хотя бы возьмешь меня в группу? А то щиты только на тебя одного действовать будут.

Олег хмыкнул.

– Если ты недавно в игре, откуда такие подробности знаешь?

Эльфийка не смутилась.

– А как бы иначе меня, низкоуровневую, сюда бы притащить смогли? Только под щитами...

– Ааа, понял... Ну ладно, – нехотя согласился Олег, бросая ей пати.

Эльфийка шустро подписала договор, улыбнулась... И вдруг крепко обняла его.

А потом выпрямилась, громогласно хохоча во всю варварскую глотку... И трансформировалась в самого настоящего варвара. В руках он держал черную маску инкогнито. Над головой красными буквами светилась надпись: «гильдия Крысий хвост».

– Каспер? Ах ты урод!!! – заорал Олег, впадая в ярость при виде знакомого ника и ненавистного названия гильдии. Он потянулся за спину и...

Вместо рюкзака нащупал свою спину, почему-то голую.

– А?..

Варвар заржал ещё громче.

Олег взглянул вниз, и увидел, что стоит абсолютно без всего. Ни крутого хитона, ни наручей, ни ботинок.

– Что за?..

– Это называется – обмен внутри группы! Ты что, не помнишь, как нажал кнопку «согласен»? Ай-ай-ай, провалы в памяти – это очень опасный признак!

Олег покраснел от возмущения.

– Ты произвел несанкционированный обмен? Ты меня хакнул, сука!!!

Варвар захохотал с новой силой.

– Скажи спасибо, что пока еще не придушил голыми руками! Ой, игра слов. Голыми руками – голого гнома... Уа-ха-ха-ха!

Олега трясло. Там, в рюкзаке лежала его бесценная коллекция жезлов и посохов, там были уникальные и прокачанные шмотки, там... Там была вся его игровая жизнь.

– Да чтоб вы, крысы, сдохли все, вместе со своим дебильным хвостом! – заорал Олег, чувствуя, что на глаза предательски наворачиваются слёзы, а в горле встал ком.

– Да ладно, мужик, не убивайся так! Держи! Это тебе бонус, как давнему и бывшему приятелю.

Варвар скинул с плеча узелок. Развязавшись, красная ткань в веселенький красный горошек расстелилась на траве ровным квадратом, открывая имеющиеся внутри сокровища: стринги удачи, железный пояс плюс сто к скорости, вонючий носок отпугивания монстров, царственная корона плюс семьсот к жизни и бедренная кость свиньи – одноразовая пасхалка, которая в течении двадцати минут убивает одним прикосновением любого монстра ниже 100 уровня. Неплохая вещица, в принципе. Если бы ее владелец не хрюкал и не пердел каждые пять секунд строго по таймеру.

Олег поднял на варвара злобный взгляд.

– Да пошел ты со своими дарами!

Варвар хитро прищурился.

– Ну, это, как пожелаешь. Только камень воскрешения-то больше не в твоём рюкзаке, так что если сдохнешь, то придется тебе качать нового перса. Так что полный хардкор, пиздюк!

Варвар глотнул какое-то зелье, и со скоростью спортивного болида умчался вдаль, с хрустом ломая ветки тинохлебов.

А тем временем из колючих зарослей кустарника выбралась еще одна тонконогая падальщица. За ней следом потянулись три детеныша.

Олег со слезами на глазах взглянул на свои коротенькие ножки – нет, не убежишь от них при таком раскладе. Заклинания без посохов тоже получатся слабые, и к тому же их очень долго кастовать. Выругавшись, он схватил бедренную кость свиньи, кое-как увернулся от брошенной в него паутины, хрюкнул, звучно пернул и уложил всех четверых.

Кость оказалась липкой и скользкой. Олега трясло от омерзения. Он оделся в брошенную ему подачку, и, едва сдерживая слезы, направился в Синь-город, чтобы телепортнуться в штаб гильдии.

Когда он вошел в ворота города, другие игроки в изумлении останавливались, хохотали и отбегали подальше, без конца оглядываясь и указывая на него пальцами.

На большой гномьей голове сверкала огромная тяжелая корона. На талии побрякивал похожий на цепь железный пояс скорости. Круглый рыхлый зад Олега с трудом помещался в красные кружевные трусики с завязочками, на одной ноге смердел полосатый носок отпугивания монстров, а в руках поблескивала жирным маслянистым блеском здоровая кость.

«Крысий хвост» подждал его напротив аукциона. Игроков сорок, не меньше, с присвистом и улюлюканьем зааплодировали ему, но Олег даже не взглянул в их сторону. Стиснув зубы, похрюкивая и звучно выпуская газы, с гордым видом, как и полагается истинному «отпетому пиздюку», он пересек центральную площадь Синь-города, и скрылся в зеркале телепортации.

***

Когда Рэм надел линзы, ему даже больно стало от количества мигающих и переливающихся экстренных сообщений и вызовов.

Первым он открыл письмо от Олега.

«Если к тебе вдруг придет вчерашняя девушка – ни за что не подпускай ее близко. Потому что если она и придет, то лишь затем, чтобы тебя убить. У меня для тебя плохая новость: тебя хакнули. Свяжись со мной, как только сможешь!»

Дальше шла ссылка на видео.

Рэм побледнел. Щелкнул по ссылке. Побледнел еще больше, сел на реквизитный китель военного летчика, роль которого только что репетировал. Открыл одно Лизино письмо, потом еще одно. Выругался, со стоном растер ладонями лицо. Попробовал вызвать Лизу. Та была онлайн, но сбросила отказ. Рэм попробовал еще.

– Рэм, к съемке готов? – донесся с площадки голос каскадера-постановщика Кости. Звук эхом разлетелся по коридорам и нишам гримерок. Сегодня никого кроме Рэма здесь не было: в дни записи трюков директор киноагентства, согласно правилам безопасности, удалял с территории всех лишних людей.

– Одну минуту, – пробормотал Рэм, и тут высветилось сообщение:

«Пользователь Lizz внес ваш контакт в черный список».

Он с досады стукнул ладонью по столу с гримом. Стол завибрировал, цветные скляночки, выставленные на нем аккуратными рядами, мелодично звякнули.

– Рэм? – вновь окликнул его Костя.

– Да иду я уже! – откликнулся Рэм, поднялся, и, натягивая на ходу китель, поспешил на площадку.

Костя, пожелтевший и сморщенный от табака, ранинга и витадробсов, а может и еще чего-нибудь потяжелее, принялся объяснять Рэму расстановку:

– Готов? Так, давай еще раз: сначала ты у нас будто бы идешь по карнизу дома. Смотришь только вверх и вдоль стены, иначе будет видно, что ты в метре от земли. Потом впрыгиваешь в окно. Гремит взрыв. Чтобы тебя не накрыло ударной волной... Эй, ты слушаешь?

– Отойди, – хмуро ответил Рэм, застегивая верхнюю пуговицу. – Работаем.

Костя удивленно уставился на него.

– В смысле, работаем? Катя что, укол тебе уже сделала? Ты помнишь, что по сюжету ты должен быть злой, как бешеная собака?..

– Ты меня роли учить будешь? – хмуро поинтересовался Рэм. – Сказал же: работаем! Мне нужно сделать все быстро и с первого раза, поэтому не мешай!

Костя аж рот открыл.

– Эй, ты не сделаешь весь проход за один раз! У тебя отходняк после каждой инъекции будет минут тридцать!

– А я без инъекций. Поверь, адреналина и злости мне сейчас хватает и без допинга, – Рэм обернулся к смотровой вышке, махнул рукой и вышел на старт.

– Переделывать придется! – крикнул ему в спину Костя.

Рэм не ответил.

Отработав весь маршрут за один заход, Рэм стащил китель, сунул его в руки удивленной Катеньки и почти бегом направился в гримерку.

– Что сказал Антон Сергеевич? – услышал он за спиной вопрос Кости.

– Он очень доволен, – проговорила Катя. – Сказал, фантастичное напряжение! И это без стимуляторов! Все-таки он гений...

Рэм надевал брюки, когда к нему заглянуло Тимо, его гример-унисекс маскулинного типа.

– Прости пожалуйста...

– Что еще? – огрызнулся Рэм.

– Я хотело спросить... – робко проговорило Тимо, пряча глаза. – Понимаю, что не мое дело, но я видело твое последнее видео... Зачем ты так с той девушкой? Даже если она что-то тебе сделала, мне все равно жалко бедняжку...

Рэм сверкнул глазами, застегнул молнию и повернулся к Тимо.

– То есть ты считаешь меня мудаком, способным запостить такое видео, да?! То есть, по-твоему, я последняя мразь?! Мщу девчонкам, с которыми сплю, выставляя их в общий доступ?

Тимо испугалось такого натиска. У него задрожали кукольные ресницы, тонкими пальцами оно прикрыло пухлый рот.

– Я... Я, наверное, что-то не так понимаю...

– Да ни хрена ты не понимаешь! – рявкнул Рэм. – Поэтому лучше не лезь под горячую руку со своими упреками!

Тимо исчезло, обиженно закусив губу, а Рэм принялся остервенело оттирать лицо от грима большими пуховками, смоченными в очищающем лосьоне.

И в этот момент к нему зашел Николай Ильич, режиссер, высокий, статный мужчина лет сорока пяти.

– Оу, а ты куда так торопишься? – удивленно пробасил он. – Мы вообще тут посоветовались и решили, что, раз ты в ударе, может махнем еще сцену с погоней?

Рэм отрицательно замотал головой.

– Не могу, Ильич. Прости, не могу. Скажи большому боссу, что у меня жар, понос, нервный срыв – что угодно, но больше я сегодня работать не могу.

У Николая Ильича брови удивленно поползли вверх.

– Парень, с тобой все нормально? Помощь не нужна?

Рэм закрыл глаза, вздохнул, упершись разгоряченным лбом в зеркальную стену гримерки.

– У меня все плохо, Ильич. Я в жопе. Кто-то взломал мой аккаунт, сделал личное видео интимного характера с функцией полного погружения и выложил в сеть. И сейчас я себя чувствую последним куском дерьма.

Николай Ильич присвистнул.

– Вот это поворот! За нелегальное порно тебя как минимум оштрафуют...

– Вот этот момент меня волнует меньше всего.

– А еще могут оштрафовать и само агентство... Так что обязательно обратись в полицию... Ну типа ты жертва и никаких противозаконных намерений не имел. А то у нас не любят лишних сложностей, сам понимаешь.

Рэм усмехнулся.

– Ясное дело. Никто не любит проблемных сотрудников. Так что я полетел – мне есть чем заняться. Прикроешь?

Николай Ильич понимающе кивнул.

– Слушай, гений, у меня в полиции есть один хороший знакомый, толковый, порядочный мужик старой закалки. Скинуть контакты?

– Было бы отлично, спасибо! Ладно, я сбежал.

Рэм пожал Николаю Ильичу руку и поспешил к выходу.

Солнце спряталось за плотное покрывало тяжелых серых туч. В воздухе запахло дождем. Ветер стих, и многочисленные трубы производственного района апокалиптически дымили почти строго вверх. Позади старых корпусов из красного кирпича, построенных еще веке в двадцатом, виднелись новые высотки, пестрые и асимметричные, а чуть дальше полигона киноагентства выглядывал парк воздушных такси, похожий на небольшой аэродром. Одни машины возвращались с заказа домой, другие – напротив, вылетали по запросу, и это неспешное движение в обе стороны делали стоянку похожей на замедленный улей: одни пчелы улетают, другие уже возвращаются с работы.

На небольшой парковке напротив киноагентства стояло всего пять автомобилей. Под дворником автомобиля Рэма блестела глянцевая открытка в форме сердца. Рэм вытащил ее

и, не читая, бросил на полочку над панелью приборов, сел в машину и еще раз попробовал связаться с Лизой, но опять безуспешно.

Маршрут до дома Лизы по расчетам автопилота занимал около двух часов.

Запустив функцию «доехать до конечной точки маршрута», он откинулся на удобную спинку кресла, надел портативный шлем полного погружения и открыл ссылку Николая Ильича. Это был адрес личного кабинета некоего Александра Гиленсона.

Ответ на запрос появился минут через десять.

«Вы можете войти, вас ожидают» – в старомодной манере сообщила система. Прямо перед Рэмом появилась белая дверь с вывешенным предупреждением.

«Внимание! На территории кабинета приняты нормы и правила госучреждения. Вы уверены, что хотите войти?»

Другими словами, все дополнительные настройки аватара за этой дверью нивелировались, и каким бы ушастым зайчиком или гигантом с кувалдой на плече ты ни был по эту сторону двери, за ней ты предстанешь в исконном облике, который привязан к твоему аккаунту.

Рэм слегка удивился, но вошел без промедления.

– Добрый день, молодой человек! Вы – Роман Коршунов? Пожалуйста, проходите – Николай только что был здесь и предупредил о вашем визите.

Рэм пожал протянутую руку полицейского, чувствуя смутную неприязнь к этому незнакомому человеку. Неприязнь не имела никаких фактических оснований, просто на уровне чутья Гиленсон показался Рэму неоднозначным, а неоднозначный человек, работающий в полиции, вызывал у него тревогу.

Впрочем, он, вообще, с трудом переносил присутствие полицейских.

– Спасибо, что согласились меня принять.

– Совершенно не за что, поскольку я не смогу вам ничем помочь, – с легкой улыбкой ответил Гиленсон, разводя руками. – Киберпреступлениями занимается другой отдел, так что увы. Единственное, что я могу для вас сделать – это передать ваше предварительное заявление.

Гиленсон создал из воздуха прозрачную рамку, щелкнул пальцами, и рамка превратилась в лист бумаги с опросником.

– Вам нужно заполнить эту форму, и я передам ее в нужную инстанцию. Но вам придется заехать в отделение полиции и лично подтвердить свое заявление.

Рэм покрутил бумагу в руках.

– А зачем еще раз подтверждать то, что я сейчас напишу?

– Полиция – крайне консервативное учреждение. В течении двадцати четырех часов заявитель обязан явиться в отделение на личное собеседование – таковы правила.

– Ясно.

Быстро заполнив бумагу, он передал ее Гиленсону.

– Спасибо.

– Еще раз повторю: не за что. Успехов вам, и не огорчайтесь: хотя ситуация крайне неприятная, я думаю: скорей всего виновного найдут.

Рэм вопросительно вскинул бровь.

– Я могу спросить, с чем связано ваше предположение?

Гиленсон опять улыбнулся своей легкой улыбкой, невесомой, как и пожатие руки.

– Нынешний губернатор очень активно выступает против киберпреступлений. Мне кажется, ваше дело могут выбрать в качестве показательного: вы заметная персона, вы молоды, красивы, у вас большая группа поклонников за плечами, и что немаловажно, по большей части из числа молодежи. А сейчас именно молодежь ратует за право приватности и отказывается поддерживать программу максимально открытого интернет-пространства. Так что, думаю, ваше дело будет иметь широкий резонанс.

Рэм удивленно взглянул на своего собеседника.

– А что, наш губернатор выступает за открытый интернет?

Гиленсон уставился на него из-под хитрого прищура глаза в глаза.

– А вы не знали? Вчера он сделал недвусмысленное заявление.

Рэм кашлянул, отвел взгляд, смущенно потер щеку.

– Ну... эм... Кто же поверит, что я этого не знал, верно?..

– Да нет, глядя сейчас на вас, я не могу усомниться в вашей искренности. Однако, если позволите, дам вам совет.

– Мм?

– Повнимательнее следите за политической обстановкой и новостями. Сейчас очень... беспокойное, изменчивое время. Нужно всегда быть в курсе новейших событий, чтобы в полной мере представлять, каким образом они могут сказаться на вашей личной жизни, и на жизни близких.

Рэм, соглашаясь, кивнул, еще раз поблагодарил Гиленсона и вышел из вирта.

Когда посетитель покинул кабинет, Александр Моисеевич вернул большую карту, растянутую по стене, и продолжил рассматривать флажки заброшенных фабрик и заводов пригорода Москвы и окраин. Всего таких точек оказалось двенадцать: слишком много для того, чтобы запросить патруль на каждую из них, но тем не менее их число не было каким-то заоблачным, чтобы не иметь возможности отследить.

Конечно, все помещения законсервированы и стоят под сигнализацией и камерами. Однако, скорее всего, сигнал камер будет перехвачен, а сигнализация нивелирована. Судя по всему, полумифическому Упо это по плечу. Но и для Упо можно придумать пару неприятных сюрпризов, если очень постараться. И для его гостей...

Глава 6

Рэм позвонил в дверь. Было слышно, как в квартире блеют овцы, сообщая о визите гостя. Рэм не сдержал улыбки – оригинальный выбор звука. Немного подождал и еще раз глубоко утопил пуговку звонка.

Дверь никто не открыл, но Рэм отчетливо услышал звон разбившейся посуды.

– Лиза, открой пожалуйста! Я слышу, что ты дома! – крикнул он, прижав ладонь к двери.

Ответом стал еще один лопнувший стакан или тарелка, причем на этот раз посудину явно швырнули в сторону входа.

– Пошел вон отсюда! – услышал он следом.

Рэм с тоской обвел глазами крепкую железную дверь.

– Лиз, пожалуйста, открой. Слушай, мне нужно многое тебе объяснить...

– Я не открываю дверь, потому что не хочу сидеть в тюрьме за нанесение увечий, понял?! Так что скажи спасибо! – прокричала Лиза, шваркая в дверь еще что-то стеклянное.

Рэм прислонился лбом к косяку.

– Лиз, пожалуйста. Ты ведь даже никакого кайфа не получаешь, швыряя посуду не в мою голову!

И немного тише добавил:

– Я очень плохо умею просить прощения, в особенности у неодушевленных предметов.

Пожалуйста, я должен тебя увидеть.

Лиза истерично расхохоталась.

– Ах вот значит как! Так ты мириться пришел?! Что, нужен второй дубль? Ракурс не подошел или озвучка подкачала?

Рэм стукнул кулаком по железному косяку.

– Да не выкладывал я это видео!

– В самом деле?! – почему-то визгливо воскликнула Лиза.

– Мой аккаунт взломали, запись была произведена без моего ведома.

– У него уже больше десяти тысяч просмотров, тебе отвалили пачку лайков, твой соцрейт вырос – но, конечно, это все совпадения?

– Слушай, если бы я был готов поднимать свой рейтинг голым членом, я бы давно ушел в порнуху! – не выдержал Рэм.

– Катись отсюда к черту! Я дверь не открою, понял?!

Рэм шумно выдохнул, еще немного постоял, потом сел под дверь, устроился поудобней и включил себе музыку.

Минут через десять он услышал голос Лизы.

– Эй, ты что там делаешь?

– Жду доставку еды. Ты же рано или поздно есть захочешь, так что дверь все равно придется открыть.

Лиза фыркнула.

– А может, я через окно, на веревочке ее подниму?

Рэм усмехнулся. В его глазах вспыхнул азарт Коша.

– Так я, если что, и в окно могу... – проговорил он негромко. А потом крикнул:

– Короче, я просто так не уйду, так и знай. Я очень упрямая сволочь.

Тут дверь подалась в сторону, Рэм от неожиданности чуть покачнулся, и еле успел вернуться от большой хрустальной вазы, метившей ему в голову.

– Ни хрена себе... – изумленно проговорил он, когда ваза с оглушительным звоном разбилась и разлетелась сотнями блестящих осколков по лестничной клетке. – Так ведь реально убить можно!

Рэм обернулся к Лизе. Она стояла перед ним в пижаме, одна штанина ниже другой, небрежный хвост на макушке сбился в сторону, красные глаза и нос опухли, а еще от нее сильно несло алкоголем.

– А я тебя предупреждала, – прошипела она.

Рэм захлопнул дверь у себя за спиной, беглым взглядом окинул погрузившуюся в полную разруху студию. Он шагнул к Лизе, и под ботинком противно скрипнуло битое стекло.

– Ты тут знатно поразвлекалась, – заметил Рэм, и перевел взгляд на ее несчастное, искаженное злобной гримасой личико.

– Ну не только же тебе веселиться. Так зачем ты приехал? Ты же, вроде, уже получил все, что хотел.

Она деловито прошагала по осколкам в своих розовых пушистых тапочках с помпонами, села за стол и налила в большой бокал коньяка.

– Выпьешь? – спросила Лиза.

– Нет.

Она смахнула тыльной стороной ладони слезинку с щеки и залпом выпила.

– Мне пишут незнакомые люди; они комментируют мою задницу, запрашивают на свидание, хвалят минет, говорят, что я очень сексуально кричу. Моя мать запретила мне показывать ей на глаза. Мои друзья с преувеличенным рвением соболезнуют мне, смакуя то одни, то другие детали... И я понимаю, что они все – все, понимаешь? – смотрели видео от начала до конца!

Рэм вздохнул, подошел к девушке, развернул стул к себе и, уперевшись руками в подлокотники, коснулся своим лбом ее лба.

– Лиз, я понимаю, что ситуация дерьмовая. Я очень виноват, что не смог защитить тебя от нее. И, в общем, я заслуживаю вазу в голову...

Она оттолкнула его от себя, всхлипнула, подошла к окну.

– Если ты боишься, что я подам на тебя иск...

– Я этого не боюсь. Час назад я подал заявление в полицию о хакерской атаке и вмешательстве в частную жизнь.

Лиза передернула плечами.

– Мне это уже все равно.

– Ролик сейчас удаляют и блокируют на всех ресурсах.

– Я тебя умоляю. Все, что попало в сеть, остается в ней навсегда. Пусть не в открытом доступе, пусть на уровне даркнета...

Она вернулась неуверенной походкой к столу, плеснула себе еще коньяку. Сморщившись, Лиза выпила, хлопнула опустевший бокал об пол и побрела к барной стойке за следующим.

Рэм ее не останавливал. Молча смотрел, как она морщится, вливая в себя коричнево-золотистую жидкость. Лиза пила, а он не мог отвести от нее взгляда, и не знал, что еще можно сказать или сделать. И как ей помочь.

Наконец, Лиза закрыла лицо руками и расплакалась. Рэм подошел и обнял ее. Лиза не сопротивлялась. Она только ойкнула, ее тело содрогнулось, и Рэму на грудь и на пол выплеснулся поток рвоты.

– А ну давай-ка в туалет, – он подхватил ее себе под мышку, дотащил до туалетной комнаты. Пока Лизу полоскало, Рэм стащил с себя грязную рубашку, включил прохладную воду в душе. Когда девушку наконец отпустило, он раздел ее, вымыл и, полусонную, завернул в свежий халат и отнес в постель.

Сначала она стонала и всхлипывала во сне, и Рэм, устроившись рядом, гладил ее по голове, как ребенка, которому приснился кошмар. Наконец Лиза погрузилась в глубокий сон, а Рэм, окинув взглядом студию, принялся оформлять доставку из ближайшего супермаркета. Потом затянул волосы в высокий хвост на самой макушке, чтобы не мешались, и прошелся по студии, оценивая фронт работы.

***

Лиза проснулась со стоном.

– Убейте меня кто-нибудь! – пробормотала она, сжимая голову руками.

Сильные руки Рэма осторожно приподняли ее, подсунули под спину подушку.

– Держи твое спасение.

Еще не совсем понимая, что происходит вокруг, Лиза послушно сунула в рот две таблетки и выпила воды.

– Минут через пятнадцать начнет отпускать, – услышала она его голос, и в голове начало проясняться.

– Ты еще здесь? – проговорила Лиза, с трудом открывая спрятанные глубоко в отечных мешках глаза.

– Как видишь.

Она обвела взглядом студию. Жалюзи были приподняты, за окнами опускался вечер. Красные отблески заката играли на белоснежном постельном белье. В квартире стоял приятный аромат свежести и лимона. Завалы белья на стульях куда-то рассосались, пол был необычно пуст и чист. А рядом стоял Рэм, в мятой и незастегнутой рубашке, будто только что взятой из сушки.

– Ты как? – спросил он, присаживаясь рядом с ней на постель.

Лиза растерянно пожала плечами.

– Я...

И тут она все вспомнила.

– Боже, какой кошмар! – простонала девушка. – Позорище... Теперь мне точно осталось только удавиться...

Рэм стянул одеяло с ее головы.

– Не пори чушь. Иди оденься и умойся холодной водой – это освежит.

Она отыскала под одеялом полотенце, тщательно в него завернулась и, пунцовая, как помидор, босиком прошлепала к гардеробу. Открыв его, смущенно вытащила из аккуратной стопки блузку, шорты и белье, и ушла в туалетную комнату.

Когда она вернулась, Рэм разливал по тарелкам какое-то красноватое варево, маняще пахнущее чем-то пряным и кислым. Усевшись на стул, Лиза с интересом наблюдала, как он нарезает хлеб, заваривает чай, расставляет на столе блюда и чашки.

– Я не поняла... Ты сам это все приготовил?..

– А что тебя удивляет? Я как бы и убрался сам. У тебя в доме, конечно, ни черта для этого не имеется, но заказать-то нетрудно.

У Лизы удивленно распахнулись глаза.

– Ты сам убирался?.. А я решила: ты вызывал клининг, пока я спала.

– Я подумал, ты не обрадуешься проснуться в окружении чужих теток. Я был прав?

Он сел напротив, по-домашнему разломил кусок хлеба на две части, один положил на стол, откусил от другого и зачерпнул суп ложкой.

– Попробуй. Мой отчим называл этот суп «опохмел», а он точно в этом разбирался.

Лиза забралась на стул с ногами и обняла руками колени.

– Так странно...

Он скользнул взглядом по ее рукам, покрывшимся мелкими мурашками.

– Я умею делать многое из того, что тебе показалось бы странным, – он встал из-за стола и прошел к ее гардеробу. Она, вскинув бровь, внимательно смотрела, как Рэм по-хозяйски открыл дверцу шкафа и вытащил оттуда широкий вязаный палантин.

– Например?

– Например, забивать свиней или подковать лошадь.

У Лизы округлились глаза.

– Забивать свиней? Ты убивал животных?

– Я родился и вырос под Самарой, в общине. Там это называется ведением приусадебного хозяйства.

– В общине?..

Рэм вернулся на свое место, протянул палантин Лизе. Она благодарно улыбнулась, укутала плечи в мягкое тепло.

– Да. Я – естественно рожденный. Моя мать – совершенно разумный, прогрессивный человек, но поскольку моя материализация на этом свете не была запланированной и одобренной наукой, ей пришлось сделать выбор: отказаться от государственной ежемесячной дотации и уехать рожать в общину, либо отказаться от меня. Она выбрала первое...

Рэм взглянул на Лизу.

– Ты поешь хоть немного, пока не остыло.

Лиза зачерпнула бульон ложкой, сунула в рот и с удовольствием проглотила ароматную освежающую жидкость.

– Это и правда очень вкусно! Слушай, а как же твой цвет глаз? Дополнительные линзы? – спросила Лиза,ковыряя ложкой в бульоне.

Рэм отрицательно покачал головой, сосредоточенно поедая суп.

– Нет, – ответил он наконец, принимаясь за вторую половину хлебного ломтя. – Мать говорит, это мне в наследство от отца.

Теперь Лиза смотрела на него особенно внимательно, и в ее голове никак не могло уложиться, что его пропорциональное, красивое тело, лицо, глаза – является плодом случайной комбинации генов. Это было так же удивительно, как и тот факт, что Рэм – идол тысяч девушек и юношей – нянчится с ней, как с больным ребенком.

Он быстро доел остававшееся в тарелке и отнес ее в раковину. Потом налил себе и Лизе чай.

– А как ты оказался в Москве?

Рэм рассмеялся, почесал щеку.

– Ты так говоришь, будто я с луны упал. Знаешь ли, транспортное сообщение между городами еще никто не отменял. Хотя, конечно, в Москве есть и персонажи, свято уверенные, что все, находящееся за границами Большого Транспортного Кольца – на самом деле виртуаллюзия. Смею тебя заверить – они ошибаются.

Теперь смущенно рассмеялась Лиза.

– Ой да, я тоже слышала эту дикую теорию. Просто мне кажется, очень сложно человеку не из мегаполиса адаптироваться к местным примочкам. А ты выглядишь... совершенно гармонично в московской среде.

– Ну да, без окровавленного тесака в руках и не на коне...

Лиза рассмеялась.

– Да нет, не в том дело. Просто... В жизни бы не подумала, что ты приезжий из глубинки. А это правда, что в общинах не пользуются ни виртом, ни допреальностью? Я где-то читала, что они находятся под запретом?.. – спросила Лиза.

– Про запреты – чушь. Но линзами действительно практически никто не пользуется. Это слишком дорого, да и некогда особенно. Это же не просто девайс себе заказать. Нужно ехать в

большой город, делать операцию по вживлению нейронных маячков, а она у нас не покрывается страховкой.

– Почему это? – уставилась на него Лиза изумленно.

Рэм хмыкнул.

– Что значит «почему»? Операция не входит в пакет неотложной помощи – без маячков пока еще никто не умер. За счет государства она делается только тем, кто имеет право на государственное субсидирование. Так что оплачивать ее придется из своего кармана. А при этом тебе нужно прокормить себя и свою семью без госдотаций. Люди занимаются хенд мейдом всех видов, производят крафтовую посуду, одежду, украшения, сумки. Многие живут натуральным хозяйством, содержат птицу, скот, выращивают овощи на огородах. А вечерами мучают старые модели компьютеров – они сейчас стоят копейки, но вполне покрывают их потребности.

– То есть с клавиатурой, с экраном?

Рэм кивнул.

– Да, именно так выглядел мой вирт до шестнадцати лет, пока я не накопил на апгрейд и первые линзы.

– Ты же был еще ребенком, как ты сумел?..

– Я был уже не ребенком, Лиз.

– А правда, что дополнительная сеть маячков для трансляции в режиме полного погружения очень трудно и болезненно приживается?

Рэм улыбнулся.

– Зависит от того, где и у кого ты ее делаешь. Мне вот повезло, я не маялся.

Лиза вздохнула, поиграла ложкой в руке.

– Слушаю тебя и не могу отделаться от ощущения, что ты пересказываешь сюжет какого-то кино... С трудом могу себе представить, что где-то в наше время еще держат сараи, кур и свиней, и стучат пальцами по кнопкам, чтобы общаться в сети... – она вдруг спохватилась, прикусила ноготок мизинца. – Извини, я, кажется, сморозила...

Он покачал головой, задумчиво покрутил чашку на блюде.

– Да нет, ты все правильно говоришь. Это действительно совершенно другой мир.

Лиза подперла все еще тяжелую голову рукой.

– И это хорошо, потому что не будь тот мир совсем другим, студия не светилась бы чистой, а у меня в животе не плескался бы твой вкусный суп. Спасибо. Мне уже гораздо лучше... Ты вот сидишь, общаешься со мной, как ни в чем не бывало... А мне кажется, тебе и смотреть на меня должно быть противно...

Рэм фыркнул, откинулся на спинку стула.

– Откуда в твоей голове столько бредовых шаблонов? То позорище, то противно. Тоже мне страшное преступление – проблеваться по пьяни!

Лиза ойкнула, закрыла лицо ладонями.

– Пожалуйста, ну зачем так-то!

– А что я такого сказал? Просто назвал вещи своими именами.

– Осталось только надеяться, что хотя бы видео того, как я здесь все разнесла, не окажется завтра в сети! – выпалила вдруг она без задней мысли.

Рэм на мгновение замер, слова застыли на губах.

– Ну да... – проговорил он наконец.

Сознание Лизы протрезвело окончательно.

– Рэм, я не имела в виду, что это ты запостишь, как в прошлый раз... То есть я не то хотела сказать... – сбивчиво залепетала она.

– Я понял, Лиз, – прервал ее Рэм, застегивая рубашку. – Не мучься. В конце концов, ты же вовсе не обязана мне верить. И то, что я нечаянно сделал с твоей жизнью, чашкой чая не лечится. Ладно, вечеринка окончена, ты уже в норме, а мне пора.

– Рэм!..

Он ушел, бросив финальное «пока» через плечо. А Лиза все еще ловила ртом воздух, пытаясь найти хоть какие-то слова, чтобы его остановить.

***

После отделения полиции Рэм приехал к Олегу.

Скучный и мрачный, он молча пожал протянутую Олегом руку, потом сунул в нее коробку с линзами, которые хотел настроить, и прошел мимо озадаченного друга в единственную по-настоящему жилую комнату в его квартире.

Внутри пахло горячей пищей и кислым старым бельем. Рэм беспардонно плюхнулся на Олегову постель, не снимая обуви и с каменным лицом уставился в потолок.

Олег, вытаращив глаза и хватая ртом воздух, словно вынутая из воды рыба, всплеснул руками:

– Ты что творишь?! Эй, это же мой спальник!

Рэм усмехнулся, не сводя глаз с точки на потолке, в которую уставился.

– Успокойся, если от него пропылятся мои ботинки, я на тебя не обижусь.

Олег мучительно вздохнул, сел в свое dream-chair.

– Сволочь ты, – беззлобно обозвал он друга. – Пиццу будешь?

Рэм отрицательно покачал головой.

– Сыт по горло... – проговорил он, и по его интонации чувствовалось, что речь идет не только о еде.

Олег открыл коробку, вытащил мягкий треугольник пиццы с тянущимися нитями сыра и, зажмурившись от удовольствия, вонзил в него зубы.

– Я чет не пойму, ты в депрессии, что ли? – пробубнил он с набитым ртом. – Не смей, приятель, эта ниша занята! В депрессии сейчас я, голый, униженный и оскорбленный!

Рэм устало повернул к нему голову.

– Ну что там еще стряслось?

Олег с готовностью запихнул в рот оставшуюся половину куска, и, чтобы показать видео, хлопнул в ладоши и привычным движением растянул пальцами воздух.

Рэм не сдержал измученной улыбки.

– Бля, вот тебя, мужик, перепрошило!

Олег смутился, а Рэм со смехом продолжил:

– Я тебе лампочку-маркер на день рожденья подарю, чтобы зажигалась, когда ты не в вирте! А то сиганешь как-нибудь в реальное окно вместо перехода по ссылке!

Олег с укором взглянул на друга.

– Да хорош уже...

И тут Рэм вдруг заново прыснул, и в этот раз – уже без грустной тени в лице.

– Ха, я теперь понял феномен твоей комнаты! Это аватар твоего вирт-кабинета! Диван переговоров, почтовая доска... – Рэм закатился хохотом и приподнялся на локте, указывая пальцем на прибитую к стене большую круглую мишень с дротиками.

– А вот это – однозначно, корзина! – с трудом выговаривая слова, Рэм обернулся к стульчаку унитаза в углу.

И тут уже Олег не выдержал и рассмеялся.

– Да ну тебя!..

– Оригинальный скин, у себя такой же сделаю! – ухахатывался Рэм, вытирая глаза запястьем. – А что, вечная классика!

Он поднялся, подошел к унитазу, нажал ногой на педаль, открывая гигиеническую заслонку.

– Вот ведь жизнь в реале! Кто угодно может насрать тебе в корзину! – приснул Олег.

– Главное, чтобы эту портативную корзину опустошать не забывали, а то файлы наружу как попрут! – откликнулся Рэм, расстегивая ширинку. – Так ты все-таки пришли мне, что на пальцах показать-то хотел.

– Ну нах, – отмахнулся Олег. – Сейчас ты только ржать надо мной будешь, а у меня, между прочим, серьезная психологическая травма...

– Ну перестань, давай уже!

– Лучше завтра...

– Не дрони мое воображение.

– Только чур без глума, – жалобно попросил Олег.

– Да какой уж там глум, ты вон аж затрясся весь, – Рэм громыхнул педалькой и повернулся к приятелю, поправляя ремень.

Через мгновение лицо Рэма исказила мучительная гримаса, он стойко продержался ровно секунду, а потом долго и надрывно ржал, не в силах сказать ни слова.

Олег обиженно отвернулся и уткнулся подбородком себе в колено.

– Друг называется!

Наконец Рэм смог проговорить:

– Прости... Но, блин, я б на тебе женился! Красавчик! Такая корона, и при такой жопе...

– Да ты вообще себе представляешь, сколько рарок я потерял! – с болью в голосе крикнул Олег, с шумом вскакивая с кресла. – Там один морочий посох в реале стоит как твоя таксуха!

– Да я понимаю!.. – сдавленным голосом ответил Рэм, переводя дыхание. – Короче...

Короче, не ссы..

И уже серьезно, со злым задором продолжил:

– Прорвемся. Перса твоего всем миром упакуем как-нибудь. Ну а «Крысьему хвосту» надо хорошенько хвосты поотрывать, чтобы у них на наших не вставал больше. И шмот твой вернем, это я как ГМ тебе обещаю. У тебя же найдется второй шлем?

Олег все еще сидел, насупившись и отвернувшись в сторону.

Рэм примирительно чуть подтолкнул его локтем в плечо.

– Завязывай хандрить. Пойдем готовить веселье. Будет феерично – тебе понравится!

Глава 7

Боевое ядро «Отпетых пиздюков» составляли всего семь человек: два мага, воин-берсерк, заклинатель зверей, хиллер, лучница и оборотень, которым был сам Рэм. И все они собрались на скалистом берегу Гнилой речки, чтобы обсудить предстоящее мероприятие.

Разговор не клеился. Друзей постоянно пробивало на хохот, чуть только им стоило взглянуть на олегова гнома, одетого в дешевый шмот с ближайшего аукциона. Олег обижался, психовал и тряс бородой от возмущения, но поделаться ничего не мог.

Наконец психанул Рэм.

Прооравшись им в уши подробными описаниями, как мог бы выглядеть каждый из них, окажись он на месте Олега, Рэм поубавил у них веселости.

– Слушайте, я сам ржал, когда в первый раз увидел картинку, но они же не только Олега опозорили, они поставили под вопрос авторитет всех пиздюков! В этот раз они обворовали его, а завтра? Меня? Или Инку? Или Кира?

Инка, воин-берсерк с большим волосатым носом и мохнатыми лапами хоббита, взмахнула любимым тесаком уничтожения душ.

– Ладно, начальник, мы тебя поняли. Надо утопить крыс в их собственной крови!

Рэм сверкнул хитрыми глазами.

– Не обязательно. У меня есть парочка идей получше. Если все хорошенько продумать и подготовиться как следует, сможем через недельку неплохо повеселиться. И первым делом я бы предложил забить стрелку Пиночиту...

Его голос утонул в одобрительном присвисте.

А Олег еле слышно простонал:

– О, нет... Только этого паленого хакера нам и не хватало...

– А что такого? – возмутился Рэм. – Они читерят, почему мы не можем? Слушайте сюда...

И отпетые пиздюки уселись плотным кружком, планируя отчаянный заговор.

***

Утром следующего дня Рэм слегка изменил маршрут пробежки, чтобы навестить Ника, именуемого Гудвином, который клялся всеми своими татуировками, что не отрубится и дождет его прихода в студию, каким бы пьяным не был.

Под студией подразумевалась комнатка для тематических тусовок на первом этаже тюнингового автосалона «Геката»: дивное место, пропахшее пивом, травой и живой творческой мыслью. От выхода из парка до «Гекаты» Рэм пронесся с ветерком, получая удовольствие от напряженной работы мышц и связок. Ослепительное солнце яростно расплескалось по гляцевым поверхностям, отсвечивая и бликуя. Утренняя прохлада медленно плавилась, уступая место душному запаху разогретого асфальта и пыли. День обещал быть жарким.

Узкая, похожая на бойницу дверь в студию Ника оказалась распахнутой.

Сунувшись внутрь, Рэм остолбенел: все, что с такой любовью обустроивал здесь Ник, было разбито и сломано: барная стойка, держатель для стаканов, кофеварка, столы, стулья, полки на стенах. В воздухе, подсвеченном только проникающим с улицы золоченым клином, кружилась пыль. Посередине комнаты валялись осколки и обломки антикварной аудиосистемы с безжизненно торчащими наружу венами проводов. Окинув взглядом стены, Рэм понял, что и все четыре прилегающие к ней колонки также сорваны со своих мест и изувечены.

– Ник! Эй, ты где? – встревоженно позвал приятеля Рэм. – Ты живой?

Вместо ответа он услышал за барной стойкой какой-то шорох. Легко премахнув на ту сторону, Рэм увидел друга сидящим на полу под столешницей, размазывающим запястьем кровь по лицу.

Справа на лбу Ника вместо имплантированного рога зияла рана с торчащим в ней окровавленным винтом. Тоннели в ушах были оборваны. На широченной, «надутой» с помощью инъекций обнаженной груди, украшенной великолепной татуировкой двухголового демона, виднелись кровоподтеки и ссадины. Светлые джинсы были перепачканы черт-те чем, а на коленях лежали блестящие и прозрачные осколки.

Ник поднял на Рэма свои глаза с черными, залитыми чернилами белками, и, шмыгнув кровавой струйкой под носом, указал ему рукой на осколки.

– Это My Chemical Romance, братан. И Queen. Хотел тебе похвалиться... – хрипло проговорил Ник и, харкнув, сплюнул в сторону кровь..

Рэм, мрачно нахмурившись, взял Ника за подбородок, сначала приподнял ему голову, потом повернул в сторону, чтобы рассмотреть рану на лбу.

– Жестко тебя отделали... – выдохнул он наконец. – Давай-ка вызову скорую, а?

Ник махнул рукой.

– Хуйня все, не нужно...

– Как тебе имплант раскурочили?

Ник усмехнулся.

– Они... выламывали его пассатижами. Пассатижи сначала соскальзывали, а потом... сломались. Болты-то закреплены сначала на титановой пластине, а пластина уже вживлена под костную ткань черепа.

Он криво улыбнулся трясущимися губами.

– Вот теперь я понял, что хирург имел в виду под «гарантией качества»! Но было пиздец больно.

Рэм сел на пол рядом с ним.

– Кто?

Ник покачал головой, и снова уставился на обломки старых дисков. С нежностью коснулся их кончиками пальцев.

– Стопперы... Блять, все расхуярили, братан! Суки! – с сердцем проговорил Ник. – В дисках же, блять, душа есть, на хуй! Суки... Такую музыку... Попробуй найди. Да чтоб их всех в жопу ебали! Да так, чтоб из ушей вылезало!.. – его голос дрогнул и умолк.

– Стопперы?

Ник улыбнулся, демонстрируя крупные зубы, перепачканные розовой пеной слюны.

– Ну да. Рекламка сработала! Вот они и пришли меня убеждать, что ты – воплощенное зло и тебя на дыбу надо! Гандоны ебучие. А тут еще мой олдскульный хардовый бодимод...

Рэм скрипнул зубами.

– А я говорил... Они вообще озверели в последнее время. А ты все: «запости меня! запости!» Знаешь кого-нибудь из них? Может, по голосу, или...

– Да нет, братан, они же все безликие. Ха! Зато у меня просмотров стало в десять раз больше и пришел реальный заказ за деньги собрать плейлист! И это охуительно! Ну а битая рожа – это так... Побочный продукт при разработке ценных руд.

Ник вздохнул.

– Одного понять не могу: это каким надо быть уродом, чтобы сломать музыкальный диск, а? Это же, блять, музыка! Понимаешь? Это каким ебаным в рот убищем нужно, блять, родиться, чтобы настоящую, живую красоту вдребезги расхуячить?

Рэм вздохнул, взял один из блестящих обломков в руки.

– Какого они хоть года?

Ник покачал головой.

– Не спрашивай, братан... У меня сердце кровавыми слезами рыдает. Хорошо хоть в вирте копию звуковой дорожки сделал для обоих дисков. Сейчас скину тебе парочку композиций... Только я их вообще никак не обработал – может, тебе звучание смешным покажется...

Он тяжело поднялся на ноги, бережно положил обломки дисков на столешницу. Поднял край стойки и вышел из бара. Постоял секунду в тишине, отправляя Рэму обещанные композиции. А потом с диким ревом схватил с пола остатки стула и со всей дури вломил его в стену. Пластик звонко схлопнулся, рассыпался на острые щепки. Тогда Ник схватил руками столик за ножки и тоже отшвырнул в стену, и принялся месить его ногами.

Рэм уселся на столешницу бара, отвернулся в сторону, закрыл глаза и включил прослушивание.

Из «My Chemical Romance» Ник скинул ему композицию «Sing», «The Ghost of You» и «Helena».

Первую он остановил на середине, обернулся к беснующемуся на обломках следующего стола Нику:

– Первая не катит.

– А? – отозвался ди-джей.

– Не цепляет первая. Чего-то не хватает. Попробуй отключить текст и сделать мелодию динамичней, но не уверен, что что-то изменится.

Ник прекратил крушить оставшееся имущество, хмыкнул, поднял с пола валяющуюся флягу.

– Включи Хелену. Думаю, она тебе лучше зайдет...

Он отхлебнул из фляжки, и вдруг выпучил глаза и жутко заорал:

– Блять!!! Губы же разбиты... Аааа, жизнь – боль... А, дай еще одну кину, Planetary...

Рэм кивнул, запустил композицию.

И с каждым тактом его лицо светлело, а на губах проступала улыбка.

– Ник, ты – гребаный гений. Ты умеешь находить то, что нужно! Очень круто!

– Но я не успею собрать тебе плейлист, – мрачно отозвался Ник. – Надо ехать уши и башку зашивать...

Рэм кивнул.

– Нет, знаешь, а мне и так норм! Звучание непривычное, кажется немного плоским, что ли – но это не мешает. Они прямо – 220 из розетки! Энергетика мощная, ритм... Слышь, мужик, может все-таки в полицию? То, как тебя...

Ник ухмыльнулся.

– Ну ты девочку-то из меня не делай. В этот раз и руки, и ноги, и даже ребра целые – я считаю, не на что жаловаться. Так, отпиздили слегонца. А вот в душу насрали – вот это да, – усмешка испарилась с его губ. – По живому... Суки...

Рэм спрыгнул со столешницы.

– Завтра у меня пати, а через пару дней я предлагаю собраться здесь всей толпой и привести все в порядок. За ночь управимся. Как мыслишь?

Ник кивнул, хлопнул его по плечу.

– Спасибо, братан. И это... сестрице моей не свисти, каким меня сегодня видел, ладно?

Рэм усмехнулся.

– А то Инка сама не увидит.

– Когда увидит, все уже будет культурно. Ладно, давай, и удачи тебе завтра.

Рэм с улыбкой шуточно отсалютовал двумя пальцами, и вышел из студии.

Пошурившись пару минут на солнце, он побежал в обратку.

***

Подбегая к своему дому, Рэм увидел возле подъезда троих вздорящих мужчин. Двое из них выглядели вполне презентабельно; и того из них, что помоложе, Рэм узнал: это был Рай Песоцкий, модный блогер и популярный журналист. Именно он активно жестикулировал и приглушенным голосом что-то гневно выговаривал третьему, похожему на сбежавшего с ночной вечеринки мальчика гоу-гоу: бордовый костюм с блестками, выкрашенные в тотальный красный цвет волосы, уложенные на макушке острыми прядями. Песоцкий наступал, а мальчик, втягивая голову в плечи, тем не менее оставался на месте.

– ... надо просто знать свое место, тогда и проблем не будет!.. – донесся до Рэма обрывок одной из тех фраз, которыми Песоцкий пытался задавить «блестящего».

Рэм прибавил шаг.

Блогеры наконец заметили Рэма, и, отвлекшись от внутренних разборок, стали поперебой здороваться и просить ответить на несколько вопросов.

– Правда ли, что выложенное в сеть откровенное видео – результат кибератаки? Вы не собирались его обнародовать? Говорят, вы даже обратились в полицию?..

– Рэм, многих подписчиков волнует вопрос, кто эта девушка? У вас появились серьезные отношения?

Рэм широко улыбнулся, сунул руки в карманы и громко заявил:

– А не пошли бы вы на хуй?

Лавина вопросов иссякла. Блогеры растерянно переглянулись: еще никогда Рэм не позволял себе таких выпадов сторону прессы.

– Рэм, означает ли ваша не вполне адекватная реакция, что ситуация истощила вашу нервную систему до предела? – заговорил Песоцкий, подсакивая к нему поближе.

– Моя реакция означает только одно: я до смерти хочу, чтобы вы отсюда удалились. И как можно дальше.

Он повернул к подъезду, но двое презентабельных блогеров мгновенно облепили его, мешая пройти.

Одетый в пестрое мальчик с покрашенными глазами звонко заржал.

– Рэм, неужели случившееся действительно серьезно отразилось на вашей личной жизни? Лиза Серова – ваша девушка? Она вас бросила? – говорил один.

– Что с вами, Рэм? Вы на грани нервного срыва? Отсюда такая реакция? Рэм, пожалуйста, прокомментируйте ваше поведение! Вы ведь на грани нервного срыва, не так ли? – трещал Песоцкий.

Рэм скрипнул зубами, в синих глазах запылала злость.

– А ты – на грани перелома, так что убери от меня свою руку! – рявкнул Рэм на Песоцкого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.